

Таинственные расследования Салли Локхарт.

Тигр в колодце. Оловянная принцесса

Автор:

Филип Пулман

Таинственные расследования Салли Локхарт. Тигр в колодце. Оловянная принцесса

Филип Пулман

Золотой компас (АСТ) Салли Локхарт

Салли Локхарт давно не была так счастлива. Она живет в старинном особняке вместе с маленькой дочерью и слугами, ее дела идут отлично, лучшие друзья путешествуют по миру. Но внезапно, словно гром среди ясного неба, приходит уведомление из суда... Салли потребуется все ее мужество, весь ее природный ум и решительность, чтобы в одиночку противостоять жестокому заговору. Она начнет свое расследование и окажется в опасной близости от тигра – коварного и мстительного Цадика. Эта детективная история происходит в Лондоне в 1881 году и связана с реальными событиями того времени.

Долгие годы Салли Локхарт и ее друг Джим искали Аделаиду – девочку-сироту, чей след исчез в лондонских трущобах. Поиски привели их в крошечное королевство Раикавия, независимость которого в опасности. Герои романов «Рубин во мгле», «Тень "Полярной звезды"», «Тигр в колодце», а также их новый друг Бекки попадают в самую гущу исторических событий. От их воли и мужества зависит, останется ли королевство на карте Европы.

Филип Пулман

Таинственные расследования Салли Локхарт. Тигр в колодце. Оловянная принцесса

The Tiger in the Well. Copyright © 1991 by Philip Pullman

The Tin Princess. Copyright © Philip Pullman, 1994

© А. Ильинский, перевод на русский язык

© Г. Кружков, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Тигр в колодце

Книга первая

Глава первая

Судебный пристав

Солнечным осенним утром 1881 года Салли Локхарт стояла во дворе собственного дома, наблюдала за маленькой дочерью и думала о том, что дела идут отлично.

Она ошибалась, однако узнать об этом ей предстояло лишь спустя двадцать минут. Человек, собиравшийся принести Салли дурную весть, был еще в пути. Ну а пока она была счастлива и отчетливо это ощущала, что вообще-то происходило с ней нечасто; обычно она была слишком занята, чтобы обращать внимание на подобные вещи.

Счастлива она была во многом благодаря своему дому – большому зданию эпохи Регентства, располагавшемуся в Твикенхеме и называвшемуся Фруктовым домом. Дом был большой, просторный, с железными балконами и застекленной верандой. Окна веранды выходили в сад, на большую лужайку, окруженную старой кирпичной стеной. По одну сторону от стены были разбиты цветочные клумбы, росли фиговое дерево и ползучий виноград, а по другую – несколько старых яблонь и слив, которые и дали дому его название.

Рядом с фиговым деревом стояло любопытное сооружение, похожее на веранду со стеклянной крышей, однако открытое со всех сторон. Внутри находилось что-то типа большой игрушечной железной дороги, рельсы лежали на подмостях, возвышаясь над землей почти на метр. Все это было построено ради фотоэкспериментов и требовало доделки, но Салли ждала, когда вернутся ее друзья.

Счастлива она была и потому, что у нее были отличные друзья: Уэбстер Гарланд, шестидесятипятилетний фотограф – ее партнер (название фирмы «Гарланд и Локхарт» объединяло их имена) и двадцатилетний Джим Тейлор, двумя или тремя годами моложе ее, – они заменяли ей семью. У Джима с Уэбстером все было общим – дом, приключения; они считали себя богемой, делали все, что им вздумается, были верными и преданными товарищами и сейчас находились в Южной Америке. Каждые несколько лет Уэбстер Гарланд поддавался своему желанию отправиться в какую-нибудь неисследованную часть света, чтобы пофотографировать. На этот раз Джим поехал с ним, и Салли осталась одна.

Правда, не совсем одна. В доме жила – еще один повод быть счастливой – прислуга: горничная Эл ли, кухарка миссис Перкинс и Робертс – садовник и одновременно конюх. Кроме того, Салли держала магазин фотопринадлежностей на Черч-стрит, куда приезжала раз в неделю проверять счета. А еще у нее было свое дело в Сити: она занималась финансовым консультированием – вопреки мнению тех, кто считал, что женщинам это не под силу, что им не подобает заниматься подобными вещами, если они не хотят растратить свою женственность, и что ни одна особа, если она, конечно, в своем

уме, не затеет ничего подобного. Дел у Салли было так много, что пришлось взять помощницу: сухощавую ироничную девушку по имени Маргарет Хэддоу; Маргарет окончила университет и тоже была феминисткой. Еще у нее работала восемнадцатилетняя девушка, которую Салли наняла няней для своей дочери, звали ее Сара-Джейн Рассел. Покладистая, милая Сара-Джейн была влюблена в Джима Тейлора (правда, об этом не догадывался никто, даже сам объект ее воздыханий).

Однако главной причиной для счастья была ее дочь. Харриет исполнился год и девять месяцев. Она ощущала себя центром мироздания, была эгоцентричной и настолько уверенной во всеобщей любви и внимании к себе, что просто искрилась радостью, как источающее свет солнце. Ее отец, Фредерик Гарланд, племянник Уэбстера Гарланда, никогда не видел своей дочери, потому что погиб во время пожара в ночь ее зачатия; будь он жив, Салли звалась бы миссис Гарланд, а Харриет была бы ее законнорожденной дочерью. Любовь Фредерика Салли завоевывала упорно, не жалея сил. Поэтому к Харриет она испытывала очень глубокие чувства – это была его кровь, его жизнь. Салли никого и никогда не любила так сильно, она и не мыслила себя без такой любви. Сразу после смерти Фредерика, когда и бизнес их приказал долго жить, она не находила в себе сил существовать дальше, но, ощутив внутри упрямый сгусток жизни, не желавший сдаваться, поняла, что должна найти силы, мало того – просто обязана. Если попытаться забыть о той бездне, что разверзлась в ее душе после смерти Фредерика, жизнь наладилась – она была настолько хороша, насколько вообще могла быть хороша жизнь матери-одиночки во времена королевы Виктории; уж по крайней мере лучше участи многих женщин, страдавших в несчастливом браке. У нее были деньги, независимость, друзья, дом, интересная работа и была ее драгоценная Харриет.

Салли сорвала пару недавно созревших плодов инжира и понесла их на лужайку. Сара-Джейн сидела на деревянной скамейке, которую смастерил Уэбстер, и что-то вышивала, а Харриет помогала плюшевому медвежонку забраться по веревке, чтобы раздобыть немного воображаемого меда. Салли под села к Саре-Джейн.

– Хочешь инжира? – спросила она, протягивая плод.

– Да, – ответила няня, – спасибо.

Неожиданно Салли увидела у ворот незнакомца. Он стоял и смотрел в какую-то бумагу. Затем открыл калитку и направился к парадному входу, скрывшись за

домом.

– Хэтти, возьми инжир, – сказала Салли.

Харриет, завидев лакомство, бросила медвежонка и оказалась тут как тут. Она подозрительно разглядывала красную мякоть с крошечными зернышками. Салли сама откусила кусочек.

– Вот так, – заметила она, – не попробуешь – не узнаешь, каково это на вкус. И мишку угости.

Они покормили медвежонка, потом Харриет надкусила инжир и тут же изъявила желание доесть все, что осталось.

– Она так быстро растет, – сказала Сара-Джейн. – Смотрите, платьице уже маловато. Скоро придется покупать новое.

– Надо измерить ее рост, – ответила Салли. – Сделаем зарубку на стене, да, Хэтти? Посмотрим, как ты выросла.

– Инжир, – тоном, не терпящим возражений, потребовала Харриет, протягивая руку Саре-Джейн. – Инжир, пожалуйста.

Салли рассмеялась:

– Нет, это инжир Сары-Джейн. Смотри, а вот Элли с гостем.

Харриет по-хозяйски обернулась посмотреть, кто удостоил их своим визитом на этот раз. Элли шла через лужайку, а за ней следовал тот самый незнакомец. Как успела заметить Салли, это был худощавый мужчина средних лет, в поношенном коричневом костюме и котелке. В руке он держал большой белый конверт.

– Мисс Локхарт, – неуверенно начала Элли, – джентльмен сказал, что должен видеть вас лично.

– Мисс Локхарт? – Мужчина приподнял котелок.

– Да, – ответила Салли, – чем могу быть полезна?

– Мне велено передать это лично вам в руки, мисс.

Он протянул ей конверт. Салли увидела на нем официальную красную печать. Она машинально взяла конверт – сложно не взять какую-то вещь, когда тебе ее протягивают; вежливостью людей так легко пользоваться.

Мужчина еще раз приподнял котелок и повернулся, собираясь уйти. Салли встала.

– Пожалуйста, постойте, – сказала она. – Кто вы? И что это?

– Внутри все написано, – ответил незнакомец. – А что до меня – я всего лишь судебный пристав, мисс. Дело сделано, и мне пора, иначе опоздаю на поезд. Прекрасная нынче погода...

С едва уловимой нервной усмешкой на губах он повернулся и направился к воротам. Элли, обеспокоенно взглянув на Салли, поспешила за ним.

Харриет, разочарованная невниманием незнакомца к своей персоне, вернулась к медвежонку и меду. Салли опустилась на скамейку. В ее душу закралось сомнение: зря она, должно быть, так покорно приняла этот конверт. Но можно ли отказаться от судебной повестки? С другой стороны, принимая повестку, не показываешь ли ты, что знаешь о ее содержании? Ох, это какой-то бред. Просто чья-то ошибка.

Она разорвала жесткую бумагу и вынула большой, аккуратно сложенный документ. Вверху страницы красовался тисненый королевский герб, под которым каллиграфическим почерком были выведены абзац за абзацем. Салли начала читать.

Отделение Высокого суда по наследственным делам, по делам разводов и по морским делам.

3 января 1879 года проситель Артур Джеймс Пэрриш сочетался законным браком с Вероникой Беатрис Локхарт (в дальнейшем именуемой «ответчик») в

церкви Святого Фомы в Саутхеме, графство Гемпшир.

От изумления Салли не могла вымолвить ни слова. Это просто нелепо. Вероника Беатрис – ее собственное имя, на которое она, правда, не отзывалась; даже Фредерику, отцу Харриет, в свое время сразу объяснила, что она Салли и другого имени не признает. Но... сочеталась браком? Кто-то заявляет, что женат на ней?

Она стала читать дальше:

Ранее проситель и ответчик проживали вместе по адресу: Телеграф-роуд, 24, Клэпхем.

В настоящее время проситель живет в Англии и Уэльсе, по роду деятельности – комиссионер, найти его можно по адресу: Телеграф-роуд, 24, Клэпхем. Ответчик является консультантом по финансовым делам и проживает во Фруктовом доме, Твикенхем.

Единственный ребенок в семье – Харриет Роза...

Салли отложила бумагу.

– Это просто глупо, – вымолвила она. – Наверное, чья-то дурацкая шутка.

Сара-Джейн взглянула на нее. Салли увидела в ее глазах немой вопрос.

– Это прошение о разводе, – сказала она и засмеялась.

Но это был нервный смех, и Сара-Джейн даже не улыбнулась.

– Довольно дорогостоящая шутка, – заметила она, – ведь мы живем за тридевять земель. Дочитайте до конца.

Салли вновь подняла бумагу. У нее тряслись руки. Не веря своим глазам, она прочитала еще несколько абзацев и дошла до раздела, именуемого Приложение.

Несмотря на то что в руках она держала официальный документ, поверить в его правдивость было невозможно. В нем пересказывалась история никогда не существовавшего брака: как Салли и мистер Пэрриш поженились и поселились в Клэпхеме, как у них родилась Харриет (дата ее рождения, по крайней мере, была указана верно); как Салли упорно и настойчиво изводила «мужа» своей жестокостью, его деловых партнеров – презрением, а гостей – пренебрежением, пока он не счел невозможным приводить кого-либо в свой дом – он не был уверен, что жена примет гостей достойно; как она начала пить и неоднократно появлялась в обществе, будучи навеселе (подробности прилагаются, как и имена свидетелей); как она обращалась со слугами, так что три горничные ушли от них, даже не оставив записки (имена и адреса прилагаются); как она растрачивала деньги, заработанные «мужем», и как настояла, вопреки его желанию, начать свое дело; как он пытался ее урезонить, спасти положение и как был внимателен к ней; как вскоре после рождения ребенка она покинула дом и забрала с собой дочь; и что она недостойна воспитывать их дитя, потому что является особой сомнительных моральных принципов, сожительствует с двумя неженатыми мужчинами (имена прилагаются); и дальше в том же роде. Исписанных мелким почерком страниц было пять, но Салли отбросила документ в сторону, прочитав лишь две из них.

– Поверить не могу, – сказала она, с трудом контролируя свой голос.

Сунув бумагу Саре-Джейн, Салли встала и с отрешенным видом прошла в дальний конец сада, сорвала веточку яблони и разломала ее на маленькие кусочки. Казалось, будто кто-то прокрался в ее жизнь и осквернил своим присутствием. Неужели любой вот так запросто может вылить на нее ушат грязи? Нет, это было невыносимо. Она не могла в это поверить.

Но худшее было впереди. Салли услышала, как вскрикнула Сара-Джейн, и быстро обернулась.

Та держала в руках последний раздел документа. Он был озаглавлен Прощение.

Салли взяла бумагу и снова села. Ноги не держали ее.

На странице было написано:

Таким образом, проситель ходатайствует: чтобы вышеупомянутый брак был расторгнут; чтобы истцу немедленно доверили опеку над ребенком – Харриет Розой; чтобы...

Этого было достаточно. Салли больше не желала читать. Кто-то, какой-то незнакомец, этот Пэрриш, этот лгун, безумец, хотел забрать ее ребенка!

Харриет сидела на траве в пяти шагах от нее. Она играла с обрывком веревки, что когда-то дал ей Уэбстер, и наблюдала, как веревка все норовит свернуться в колечко. Рядом, забытый, лежал медвежонок. Девочка была полностью поглощена этой диковинной веревочкой. Салли вскочила, подбежала к своей малышке и нетерпеливо сжала ее в объятиях; она знала свою силу и постаралась не сделать дочке больно, просто ей хотелось, чтобы ее ребенок был в этот момент так близко к ней, как это только возможно.

Харриет не сопротивлялась – с объятиями приходилось мириться. Наконец Салли поцеловала и отпустила ее, осторожно поставив на землю. Харриет подобрала веревку и продолжила игру.

– Я еду в город, – сказала Салли Саре-Джейн. – Надо отвезти письмо моему поверенному. Это чепуха, конечно. Человек, видимо, не в своем уме. Но я немедленно должна встретиться с адвокатом. Это дело будет...

– ...слушаться через две недели, – продолжила Сара-Джейн, – в Королевском суде. Здесь так написано.

Салли взяла документ. Ей не хотелось к нему прикасаться. Она положила повестку обратно в конверт, поцеловала Харриет, потом поцеловала еще раз и третий и пошла собираться на поезд в Лондон.

Адвокат Салли, мистер Темпл, ее помощник в делах и старинный друг ее отца, умер годом раньше. Его партнера в фирме – некоего мистера Эдкока – Салли едва знала. Он ей не очень нравился, но сейчас было не до этого. Эдкок казался ухоженным молодым человеком, из тех, кто старается заслужить одобрение старших товарищей, а потому во всем копирует их – в мыслях, поведении и манере одеваться. Мистер Темпл нюхал табак, и это выглядело вполне естественно. Мистер Эдкок тоже увлекался нюхательным табаком, но у него это выглядело нелепо. Хорошо еще, Салли не видела молодого адвоката в клубе –

она очень удивилась бы его консервативным взглядам и тому, что они становились еще более консервативны и высказывались гораздо громче, когда рядом оказывался кто-либо из почтенных пожилых членов клуба.

Когда Салли пришла, мистер Эдкок был занят с другим клиентом, поэтому она подсела к старому клерку, мистеру Байуотеру, работавшему в фирме уже пятьдесят лет. Он был посвящен в дела Салли гораздо лучше мистера Эдкока, а поскольку она была на взводе, то не могла удержаться от рассказа о том, что с ней приключилось. Старик спокойно выслушал ее. Она опасалась его острого языка, однако, высказавшись, почувствовала, что на душе стало легче.

– Боже ты мой, – вздохнул он, – почему же вы не рассказали мистеру Темплу о дочери?

– Потому что... О, мистер Байуотер, понимаете ли, он тогда болел. К тому же мне было безразлично его мнение. И я не хотела, чтобы он стал хуже ко мне относиться.

– Мистер Темпл любил вас за ум, – сказал Байуотер, – а не за безгрешность. Надо было сказать ему. У вас есть завещание? Думаю, нет. Кто у этого человека в поверенных? Грант, Мюррей и Гирлинг... Хм... я подумаю, что можно предпринять. По-моему, мистер Эдкок уже освободился.

Он поднял голову, прислушиваясь, затем открыл дверь и сообщил о ее приходе.

Мистер Эдкок был сама учтивость. Это чисто деловые отношения, напомнила себе Салли, он просто адвокат, искушенный в вопросах права, а какие у него манеры – не имеет значения.

Она как можно подробнее пересказала все факты, начиная с Харриет. Мистер Эдкок слушал, и его лицо становилось все мрачнее. Иногда он делал какие-то пометки на бумаге.

Затем взял документ и прочитал его, пока Салли сидела рядом, спокойная, невозмутимая.

– Здесь содержатся серьезные заявления, – начал он, дочитав до конца. – Проситель говорит об измене, растрате денег, пьянстве, даже о... Мисс Локхарт, могу я поинтересоваться, вы пьете?

– Пью ли я? Иногда позволяю себе бокал хереса, но какое это имеет значение?

– Мы должны твердо стоять на ногах. Например, эти слуги, об увольнении которых идет речь: знай мы точно, что случилось, нам удалось бы построить убедительную защиту.

Салли охватило смятение.

– Мистер Эдкок, никаких слуг не было. Я никогда не жила – как там? – на Телеграф-роуд в Клэпхеме. Я никогда не была замужем за этим мистером Пэрришем. Это выдумки. Он все сочинил. Это полная чушь.

Он посмотрел на Салли со знакомым ей выражением: насмешливым, снисходительным, выражением всезнающего человека. Это была гримаса мистера Темпла, но у того она была подкреплена настоящим чувством юмора и действительно глубокими знаниями.

– Позвольте профессионалу решать, что в этом деле важно, а что нет, – сказал адвокат с улыбкой. – Естественно, стержнем нашей защиты будет тот факт, что брака не было и в помине. Но мы должны предусмотреть все возможные варианты. Будет крайне опрометчиво оставить без внимания какую-либо деталь. Нам нужно продумать все мелочи, чтобы дать судье их полное обоснование. Итак, в первую очередь...

Он достал из шкафа лист бумаги и открыл серебряную чернильницу. Кроме нее и пресс-папье, на его столе больше ничего не было. Салли нравилось, когда на письменном столе лежали книги, бумаги, карандаши, сургуч и другие атрибуты рабочего места, как у нее самой; но хватит сравнивать, сказала она себе.

Мистер Эдкок макнул перо в чернила и слегка прикоснулся им к краю чернильницы, дабы не взять слишком много.

– Итак, – начал он, – когда вы познакомились с мистером Пэрришем?

Салли глубоко вздохнула:

– Я не знакома с мистером Пэрришем. До сегодняшнего утра я никогда о нем не слышала. Мистер Эдкок, при всем уважении к вам, не думаю, что стоит терять время на эти бредни. Единственное, что имеет сейчас значение, – замужем я за ним или нет, а я не замужем, это точно.

– Конечно, конечно, – ответил мистер Эдкок, – это основной пункт защиты. Это верно. Ему придется доказать, что супружество имело место, а если, как вы утверждаете, такового не было, то нет ни свидетельства о браке, ни записи в метрической книге церкви Святого Фомы в Саутхеме в графстве Гемпшир. Но видите ли, в письме говорится, что вы не вправе воспитывать своего ребенка; разве вы не хотите, чтобы ваши доводы не вызывали сомнений?

– Хочу. Но он не имеет права сомневаться в них.

– Он уже поставил их под сомнение. Именно поэтому мы должны принять во внимание все детали. Не надо ничего скрывать, мисс Локхарт.

– Мне нечего скрывать!

– Вы скрыли факт рождения дочери, – сказал он, вперив в нее взгляд.

Она ничего не ответила. Затем тяжело вздохнула.

– Хорошо, – сказала она и, сделав над собой усилие, выпрямила спину, – как скажете, мистер Эдкок. С чего начнем?

Спустя полтора часа Салли с усталым видом вышла из кабинета мистера Эдкока, складывая листки бумаги, исписанные его аккуратным почерком, и решила попрощаться со старым клерком.

– Мистер Байуотер, а чем занимается комиссионер? – спросила она.

– Пэрриш утверждает, что он комиссионер? – переспросил клерк. – Ну, скажем, человек на государственной службе в Индии, в Калькутте, и он хочет отправить домой посылку, чтобы его пожилая маменька получила ее у себя в

Литлгемптоне. Трудное дело. Посылоч – море. Комиссионер следит за тем, чтобы все дошло по назначению. Или кто-то впервые едет на Восток. По делам. Он хочет быть уверен, что образцы его новой двухтонной гребенчато-шурупобразной паровой открывалки для бутылок доставили в Шанхай, чтобы он мог показать местной шишке, как она действует. Всем этим занимается комиссионер. Договаривается о доставке, страховке, хранении, погрузке и всем прочем. Получает комиссионные. Решает все вопросы. Некоторые работают свахами. Собирают группу невестребованных невест, грузят на корабль, высаживают в Бомбее. Возможно, потом получают вознаграждение от женихов. Скажем, кусочек свадебного торта. Подписывают контракты, покупают что-нибудь для вас или продают, обменивают вам деньги, выправляют паспорт, достают билет на поезд в Сибирь, заказывают ложу во владивостокском мюзик-холле, договариваются о вашей встрече с Далай-ламой, записывают вас на чемпионат по покеру на каком-нибудь теплоходе, идущем по Миссисипи, – в общем, чего только не делают. Интересная жизнь. Разнообразная. Кстати, у него контора на Блекмур-стрит. Недалеко от Друри-лейн.

– Правда? – спросила Салли. – Пожалуй, схожу туда. Он этого не ожидает.

– Боюсь, тогда мистеру Эдкоку придется разбираться в суде с убийством, – улыбнулся старый клерк. – Лучше не ходите. Вам там делать нечего. Ваша позиция: вы с ним в браке не состоите, никогда о нем не слышали и не понимаете, о чем он говорит. Не поддавайтесь на провокации. Пусть волнуется он.

– А он волнуется?

– А как же? Он утверждает заведомую ложь. Поверит ли в нее суд, будет зависеть от вашей реакции. Кого нанял мистер Эдкок?

– Для выступления в суде? Некого мистера Коулмена. Видимо, он настоящий профессионал.

– Все они профессионалы, все со званием королевского адвоката. А иначе вся законодательная система рухнет, правда? Ведь этого нельзя допустить.

Мистер Коулмен был королевским защитником, выдающимся адвокатом. Мистер Эдкок, как поверенный, не мог сам появиться в Высоком суде, поэтому передал

ему дело Салли. Она надеялась, что Коулмен справится; выбора у нее не было.

Без Джима Тейлора, пребывавшего в Южной Америке (последнее письмо пришло из Манауса, они как раз собирались с проводником в джунгли), Салли не могла разузнать что-либо о мистере Пэррише, не обратившись к профессиональному агенту. Ясное дело, Пэрриш был хорошо осведомлен о ее жизни, и Салли бросало в дрожь от мысли, как долго и тщательно, должно быть, кто-то копался в ее прошлом. Все было сделано правильно: для нападения выбран момент, когда она осталась одна, без друзей, способных дать показания в ее пользу; в то время, когда якобы был заключен этот брак, Салли занималась опасным расследованием по делу одного производителя оружия, и мало кто тогда ее видел, – сложно будет доказать, что она не была в тот день в церкви. Пэрриш правильно указал адрес ее офиса, день рождения Харриет; он знал, сколько денег она вложила и куда.

На самый главный вопрос Салли еще не ответила. Но пока она брела от адвокатской конторы по Стрэнду в сторону Друри-лейн, он все настойчивее звучал в ее голове: зачем? Зачем ему это нужно? Зачем?

Медная табличка на двери дома на Блекмур-стрит ни о чем ей не сказала, кроме того, что Артур Пэрриш, комиссионер, делит помещение с «Г. Симонидес Лтд.» – англо-левантинской торговой компанией, а также с Т. и С. Уильямсонами – импортерами специй. Лучше здесь не задерживаться: Пэрриш наверняка знает, как она выглядит, и...

Ну и что, если он ее увидит? Она уже ведет себя, как преступница. Она вовсе не должна чувствовать себя виноватой. Так и с ума сойти недолго.

Салли вернулась на Стрэнд. В доме номер 223 располагалась оружейная лавка.

– Я хочу купить пистолет, – обратилась она к усатому продавцу мрачного вида.

– Учебный пистолет, мисс?

– Револьвер.

Учебные пистолеты были легкими, однозарядными, из них обычно стреляли в помещении; эффективны они были на дистанции до десяти метров. У Салли уже было два таких, но сейчас она желала приобрести что-нибудь посущественней. Она осмотрела «Уэбли-Прайс», «Трантер», поколебалась, глядя на кольт, и в конце концов остановила свой выбор на «Британском бульдоге» – никелированном пятизарядном револьвере, который обладал не только достаточной убойной силой, но и был подходящего размера, чтобы уместиться в кармане.

– У него сильная отдача, мисс, – сказал продавец. – Руке больно, если с непривычки. Целиться надо пониже, иначе промахнетесь.

– Я бы взяла кольт, – ответила Салли, – но он слишком большой. А этот в самый раз. Я привыкну – мне приходилось немало стрелять. И пятьдесят патронов, пожалуйста.

Все это обошлось ей немногим более четырех фунтов. Она завернула пистолет, коробку с патронами и, к большому удивлению продавца, забрала их с собой; обычно дамы и господа договаривались о доставке покупки на дом – не таскать же оружие по улице. Но Салли сейчас было не до аристократических замашек. Как она и сказала, стрелять ей приходилось немало. Обучал ее отец, от него в подарок на четырнадцатилетие она получила первое оружие – легкий пистолет бельгийского производства. Дважды в жизни ей приходилось стрелять и в людей. Первый раз, когда ей было шестнадцать, – в человека, убившего ее отца и угрожавшего ей самой. Звали его Ай Линь, он был главарем тайного китайского общества. Наполовину голландец, под именем Хендрика ван Идена он нелегально перевозил опиум на кораблях мистера Локхарта без его ведома. Когда они ехали в кэбе в районе Ист-Индских доков, Салли пришлось выстрелить в него, чтобы он сам ее не убил. Погиб он или нет, она не знала, так как, ужаснувшись содеянному, убежала прочь, а тела так и не нашли. Она считала, что Ай Линю удалось перебраться на Восток.

Второй раз Салли мстила за смерть Фредерика Гарланда. Она выстрелила в механизм чудовищной паровой пушки, надеясь, что во время взрыва погибнет и ее производитель – Аксель Беллман, и она сама. Однако Салли осталась жива, чему сейчас была безмерно рада. А вот Аксель Беллман погиб. Мучимая угрызениями совести из-за совершенного убийства, Салли поклялась никогда больше не применять оружия, не допустить, чтобы насилие других толкнуло ее на ответное насилие.

Но ничего не вышло. Видимо, ей предстоит немало расследовать и здорово потрудиться, прежде чем состоится слушание дела; а если дойдет до грубого выяснения отношений, она должна суметь постоять за себя.

«Но все же: зачем? Что ему нужно? Что я ему сделала? Почему? И вообще – кто он?»

Глава вторая

Журналист

Вниз по течению реки от Твикенхема находятся лондонские доки, куда примерно в то же время, когда Салли ложилась спать, причалил пароход под названием «Гарлем». Он вез пассажиров из Роттердама. Таможенный служащий по правилам взошел на борт еще в Грейвсенде, однако большинству пассажиров было практически нечего декларировать. Путешествие выдалось нелегким. Все на пароходе были бедны, многие голодны, а некоторые к тому же больны.

Трап опустили; столпившиеся на палубе люди подхватывали свои пожитки и, суется, спешили ступить на мокрый булыжник причала. Женщины в платках, бородатые мужчины в фуражках (а кое-кто в потрепанных меховых шапках), залатанных брюках и стоптанных ботинках; багаж их состоял из картонных коробок, перевязанных бечевкой, скатанных матрацев, бесформенных тюков с одеялами, корзин с одеждой, кастрюль, чайников... В то время как люди по одному сходили с корабля и шли в сторону ворот, освещенных уличным фонарем, один из портовых рабочих повернулся к своему приятелю и спросил:

– Чё это за язык, Берт?

– На котором они говорят? Это идиш, Сэм.

– Идиш? Где это на нем говорят?

– Например, на Кейбл-стрит. Это евреи, братец. Из России приплыли или еще откуда. Ты чего, не в курсе?

Тот, которого звали Сэмом, обернулся и взглянул на поток беженцев. На берег сошли еще не все – сколько же их там? Уже вышло более сотни, а люди все прибывали. Среди них был мальчик лет пяти, протискивающийся сквозь толпу, в одной руке он нес тяжелую корзину, другой тащил за собой трехлетнего брата. Их мать с платком на голове прижимала к груди младенца и волокла какие-то вещи, наспех завернутые в холстину. Там же был старик с распухшей ногой, с трудом ковылявший на костыле. Двое юношей несли на руках пожилую женщину, очевидно мать, которая была не в состоянии идти сама. В толпе выделялись лица: молоденькая кареглазая девушка-красавица, тощий мужчина с хитрым выражением лица, ребенок с болезненно-запавшими глазами, тучная женщина, которая так радовалась, что заражала весельем всех, кто находился рядом; чахоточный рыжебородый молодой человек с горящим взглядом; старик в порванном пальто и замызганной ушанке, с длинной седой бородой и пейсами-завитушками, обрамлявшими его благообразное лицо; гладко выбритый авантюрист с ясным взором, в черной кепке и пальто с меховым воротником.

Рабочие наблюдали, как толпа идет к воротам, где ей преграждал путь служащий в форме, стоявший в свете фонаря. Он пытался что-то объяснить пассажирам.

– Адрес... Вам есть куда пойти? У вас должен быть адрес. Листок бумаги. Имя и адрес. Куда пойти, понимаете?

Измощенный человек в потертой шинели, чья бледная жена качала на руках младенца и пыталась успокоить еще одного ребенка, наконец нашел требуемый клочок бумаги.

– Фэшн-стрит, – прочитал таможенник. – Так, пойдете прямо по Док-стрит, после моста еще километр прямо и направо. Следующий!

Служащий бегло просматривал адреса и пропускал людей в город. С другой стороны ворот собралось около дюжины родственников и друзей, они с волнением всматривались в лица прибывших. Тех, у кого не было заветной бумажки с адресом, направляли в еврейский приют на Леман-стрит, недалеко от этого места.

Среди пассажиров были две девушки, они так нервничали, что на них обратила внимание женщина средних лет, закутанная в шубу. Когда девушки проходили мимо ворот под пристальным взглядом рыжебородого молодого человека, она поманила их жестом, по-матерински взяла за руки и заговорила с ними на идише. Мало-помалу иммигранты выходили за ворота и смешивались с толпой на улицах Ист-Энда.

Подобные сцены все еще были в новинку для лондонского порта, потому-то рабочий и не знал, откуда приехали эти люди. Иммигранты вынуждены были отправиться в путь после того, как в 1881 году в России начались еврейские погромы.

Первая семья приехала из Киева. Отец семейства держал табачную лавку, которая была разгромлена, а весь товар выброшен на улицу под ноги разъяренной толпе при полном попустительстве российских солдат. Старик с распухшей ногой также прибыл из Киева, на родине он работал портным; ему пришлось спасаться бегством от бесноватых погромщиков, его дом спалили, а жену извалили в придорожной грязи. Пожилой человек с пейсами оказался ученым из Бердичева. На его глазах были сожжены все его книги, и казак с шашкой наголо не позволил ему спасти хоть что-то.

Один за другим, семья за семьей, они отправлялись на Запад со своими пожитками и письмом от кузена из Лондона, брата из Америки или сестры из Халла, гарантировавшим, что там их приютят; или же ехали с одной лишь надеждой на лучшее. Многие отправлялись за границу, прослышав, что кто-то – знакомый, сосед или знакомый знакомого – получил такое письмо, возможно, с небольшой суммой денег, и их не останавливали предупреждения британского консульства, что в Англии и без того полно безработных и что голодать там ничем не лучше, чем в России.

Они собирались на вокзалах Москвы и Петербурга, грузились в поезда и ехали через Польшу или Австро-Венгрию в Гамбург, Роттердам или Либаву, где на последние деньги покупали билет на пароход. Некоторым даже удавалось договориться о переправе еще в Петербурге, и они платили курьеру, который брался провести их через таможню и доставить в еврейский приют. Для какой-то части этих людей Лондон не являлся конечным пунктом. Отсюда они отправлялись поездом в Ливерпуль, где пересаживались на корабль, идущий в Нью-Йорк.

И когда они приезжали на чужбину, без знания языка и без денег, впереди их ждали лишь нищета и непосильный труд.

Тысячи людей эмигрировали таким образом за эти годы, и каждому из них было что рассказать; но нас интересует история Салли Локхарт, поэтому обратим внимание лишь на чахоточного молодого человека с рыжей бородой.

Он приехал не из России, а из Германии, и звали его Якоб Либерман. Журналист по профессии, социалист по убеждениям, он покинул Берлин, улизнув из-под носа у полиции, как он считал. На самом деле в полиции о его отъезде знали и были чрезвычайно рады этому обстоятельству. В Берлине времен Бисмарка к евреям относились терпимо, пока те жили обособленно и зарабатывали деньги, которые можно было облагать налогом. Социалистов же там не переносили. Либерман написал ряд статей для газет социалистического толка и начал пробовать себя в публичных выступлениях, хотя и был человеком крайне нервным.

Когда он опубликовал разоблачительную статью об участии личного банкира Бисмарка в различных антилиберальных актах германского парламента, ему намекнули, мол, будет лучше, если он покинет страну.

Что Якоб и сделал. Ему было дано задание найти одного человека, к которому он сейчас и направлялся. Журналист надел на плечи рюкзак, поднял воротник, надвинул на глаза кепку и, периодически останавливаясь, чтобы свериться с издавшей виды картой, двинулся в сторону Сохо.

Подвал: теплый, сухой, хорошо освещенный, с грубыми деревянными скамьями, стульями и книжными полками. Простенькая кафедра со столом и двумя стульями. Ряд окон под самым потолком – в них видны ноги прохожих, если на улице светло и если стекло не слишком грязное снаружи и не запотевшее изнутри.

В тот самый момент в комнате громко спорили на четырех языках – английском, польском, немецком и идише. Выступающий с кафедры – раздраженный человек в тельняшке – стучал кулаком по столу и что-то кричал на идише; остальные языки доносились из партера, где еще около тридцати человек слушали, спрашивали, кричали, спорили, курили, кивали, а кто-то даже играл в шахматы.

Со стороны могло показаться, что это собрание анархистов, обсуждающих, каким количеством динамита начинить свою бомбу. На самом деле эти люди придерживались других убеждений и анархистов ненавидели. Это было собрание Лиги социал-демократических организаций, а спорили собравшиеся о том, на каком языке должен издаваться их новый журнал – на идише, немецком, польском или русском. В Лиге и так было достаточно приверженцев каждого из языков, а ведь иммигранты все прибывали и прибывали. Много доводов выдвигалось за и против, но к согласию стороны прийти не могли. Неужели переговоры зашли в тупик?

Наконец раздался чей-то голос:

– Спросите Голдберга. Послушаем, что он скажет. Надо спросить Голдберга. Он всегда говорит дельные вещи. Давно уже надо было узнать его мнение. Давайте спросим Голдберга...

Вскоре эти слова дошли до всех присутствующих, и они повернулись в ту сторону, где сидел человек по имени Голдберг.

В свои почти тридцать лет он был видным мужчиной: жесткие черные волосы, крупный нос, темные глаза. Коренастый, с плечами грузчика и кулаками боксера, он сидел за столом и яростно что-то писал, энергично макая перо в чернильницу и не обращая внимания на то, что чернильные пятна оставались на столе, бумаге и его руках. В зубах он сжимал ужасно вонючую сигару.

Заметив, что дебаты затихли, он поднял голову, и один из собравшихся обратился к нему на идише:

– Товарищ Голдберг, мы не можем решить. Аргументы в защиту польского звучат убедительно, но потом кто-то ратует за немецкий, а кто-то и за русский, и все они по-своему правы. Я же считаю, что журнал должен печататься на идише. Но...

Пять человек снова заговорили, перебивая друг друга, но он повысил голос и продолжал:

– Но мы еще не слышали вашего мнения! Что вы посоветуете? На каком языке издавать журнал?

Голдберг вынул сигару изо рта, стряхнул пепел и произнес:

– На английском.

В комнате поднялся невообразимый гвалт. Голдберг, похоже, этого ждал, поскольку тут же принялся писать с того места, на котором остановился. Человек, сидящий рядом, придвинулся к нему и начал что-то доказывать, так отчаянно жестикулируя, что чуть не опрокинул чернильницу. Голдберг наклонил голову, слушая собеседника, левой рукой отодвинул чернила на безопасное расстояние, а правой продолжал писать. Затем сказал пару слов в ответ; его рука не останавливалась ни на мгновение, пока не дошла до конца страницы, после чего Голдберг отложил ее и начал терзать новый лист.

Спор продолжался, пока председателю все это не надоело. Он постучал по столу молоточком, требуя тишины.

– Товарищи, товарищи! Споры и дебаты суть живительная сила социал-демократического движения, однако вы должны не только говорить сами, но и других слушать! Товарищ Голдберг, не могли бы вы объяснить свой выбор в пользу английского языка?

Председатель говорил на идише, и Голдберг ответил на нем же. Его голос был жестким и сильным.

– Есть три причины, – начал он.

Все повернулись в его сторону и остались сидеть вполоборота, положив руки на спинки стульев.

– Во-первых, мы находимся в Англии. Среди нас есть те, кто мечтает вернуться на родину, другие хотят отправиться в Палестину, третьи – перебраться в Америку, но мне ли вам рассказывать, где останутся жить большинство из нас? В Англии, товарищи. У ваших детей здесь родятся дети, которые будут считать себя англичанами и не будут говорить ни на польском, ни на немецком, ни на русском. Журнал, например, на польском языке будет читаться весьма ограниченным кругом людей. То же самое касается и идиша, его будут читать лишь евреи. Но разве наше движение исключительно еврейское? Разве

социализм создан только для евреев, а для иноверцев – нет? Думаю, что это не так, товарищи. Я сейчас смотрю вокруг себя и вижу то же, что и на всех наших собраниях. Знаете что? Я вижу одних евреев. Почему вы не принимаете в свои ряды других? Нет, я понимаю, вы не намеренно не пускаете сюда иноверцев, просто вы печатаете свои объявления на идише. Товарищи, если это и есть социализм, то он мне не по душе. Двери этих собраний должны быть открыты для всех талантливых членов вашей общины, кто имеет добрые намерения, а это возможно, только если печатать обращения на английском. Следует приветствовать всех желающих присоединиться к нам, даже женщин. На самом деле...

Последние слова потонули во всеобщем гуле неодобрения, хотя кто-то и поддержал идею. Но Голдберг предвидел подобную реакцию и улыбнулся, терпеливо ожидая, когда шум стихнет. Затем продолжил:

– Да, мы не должны делать никаких различий. Это первая причина. Вторая – гораздо прозаичнее; насколько я понимаю, как бы ни назывался наш журнал, львиную долю материалов писать буду я. Так вот, писать я буду на английском, а у вас нет денег, чтобы платить переводчику. К тому же писать на английском – единственный способ лучше выучить язык...

– Но вы и так очень хорошо говорите, – раздался робкий голос.

– Да, мой английский безупречен, – радостно согласился Голдберг. – Но в данном случае я пекусь о языке наших английских читателей.

Раздался смех.

– А третья причина? – спросил кто-то.

– О, третья причина – самая убедительная. Настолько убедительная, что, услышав ее, у вас отпадут всякие сомнения в моей правоте. Именно она окончательно убедила меня самого. Но к сожалению, я ее забыл.

Улыбки, снова смех; Голдберг в точности знал, как завоевать аудиторию, теперь она была на его стороне. Споры продолжались, но он был уверен, что одержал верх.

– Я склоняюсь к мысли, – сказал человек в мятой кепке, – что предложение товарища Голдберга следует принять. Хотя оно мне и не очень по душе, ведь теперь придется выводить текст по буквам.

– Но мы еще его не обсудили! – раздался чей-то голос. – Если он хочет выбросить все наши традиции на помойку и превратить нас в англичан, мне думается, надо хорошенько обсудить эту перспективу. Начать с того...

И когда социал-демократы углубились в дальнейшие дебаты, которые и так было понятно чем закончатся, Голдберг зажег спичку, снова раскурил сигару, макнул перо в чернила и стал дописывать предложение с того места, где остановился.

В комнате было так людно и шумно, что никто не заметил, как отворилась дверь и на пороге возникла худощавая фигура. Это был рыжебородый молодой человек с корабля; с рюкзаком в руках, он осматривался вокруг, пытаясь разглядеть что-либо сквозь завесу табачного дыма. Он что-то спросил у стоящего рядом человека, посмотрел в указанном им направлении и начал пробираться к столу, за которым сидел Голдберг. Тот, будучи погруженным в работу, не заметил юношу.

Наконец молодой человек прокашлялся и спросил:

– Товарищ Голдберг?

– Да, – ответил он, не поднимая головы.

– Меня зовут Якоб Либерман. Я только сегодня приехал в Лондон. Я...

– Либерман! Старина, рад знакомству! Та статья в «Арбайтер фройнд»... Это просто восхитительно! Давай присаживайся.

Он потряс руку молодого человека и придвинул ему стул. Либерман сел, стараясь скрыть переполнявшие его эмоции. Его читал и похвалил сам Дэниел Голдберг! Но теперь Голдберг пристально смотрел на него и даже сигару отложил в сторону.

– Ты неважно выглядишь, – сказал он тихо. – Что, чахотка?

Якоб кивнул. Он держался уже из последних сил.

– Ладно, давай выберемся из этого прокуренного подвала. Они будут спорить еще до полуночи, – сказал Голдберг. – Пойдем, у меня комната наверху. Давай рюкзак.

Он собрал исписанные листки, повесил на плечо рюкзак, зажал в зубах перо, закрыл чернильницу и начал протискиваться к выходу. За ним, еле волоча ноги от усталости, плелся Либерман.

– Та моя работа... – начал он, когда они поднялись наверх. – Лароусс передал мне ваше послание... Из Берлина я отправился в Латвию... У меня есть новости...

– Я помню, да. Расскажи.

– Товарищ Голдберг, зреет заговор против евреев. Их сейчас сотни, может, тысячи на границах – без денег, без документов... Те, у кого есть билеты, валом валят на вокзалы и в морские порты...

– Да, это я все знаю. А какие новости?

– Я как раз собирался сказать...

– Так давай скорее. В твоей статье о банкире мне не понравилась одна вещь: ты слишком долго раскачиваешься. Вся история должна уместиться в первом предложении. Аналитические статьи, эссе и путевые заметки – это совершенно иное дело. Но новости надо уметь подать одной фразой. Остальное – подробности, разъяснения, развитие темы – можно при желании отбросить. Я знаю эту историю про границы, паспорта и безденежье. Изложи суть одним предложением.

– Человек, который стоит за всем этим, известен как Цадик[1 - В мистическом течении иудаизма, хасидизме, – святой, посредник между Богом и человеком. – Здесь и далее прим. перев.], и он направляется в Лондон.

– Уже лучше. Из тебя получится неплохой журналист. Вот мы и пришли.

Они остановились на крохотной лестничной площадке второго этажа. Голдберг открыл дверь, впустил в комнату Либермана, потом чиркнул спичкой и зажег масляную лампу. Молодой человек опустился на ближайший стул и закашлялся. Голдберг взглянул на него: впалые щеки и горящие глаза говорили о прогрессирующей болезни. Голдберг положил рюкзак, расчистил для своих бумаг место на столе среди справочников и докладов и налил Либерману стакан бренди.

– Так что ты знаешь об этом человеке, о Цадике?

Либерман взял стакан обеими руками, сделал глоток и закрыл глаза, почувствовав приятное тепло во рту и горле. Голдберг сел за стол.

– Впервые я услышал о нем в Риге, – начал молодой человек. – Товарищ должен был показать мне контору, по-моему, она называлась Бюро регистрации иммигрантов при Британском консульстве.

– Такого бюро не существует, – сказал Голдберг. – Это выдумки.

Он достал из кармана пузырек с чернилами, затем перо, положил принесенные бумаги на пол, придавив их камнем размером с кулак, обмакнул перо в чернила и, пока Либерман рассказывал, начал писать.

– Я так и понял. Я прикинулся русским евреем, который хочет уехать в Англию. В конторе сидел человек – британец, он задал мне несколько вопросов, посмотрел мои документы, потом велел внести взнос и вписал мое имя в книгу. По его словам, это должно было гарантировать мне жилье в Лондоне на три месяца. Там было много народа; некоторым нечем было платить, у них совсем не осталось денег. Они сталкивались с подобным всю дорогу из Киева: плата за транзит в Москве, за пропуск еще где-то, штамп в паспорте на границе – этому не было конца; и за каждое свое перемещение они должны были кому-то заплатить.

– Цадику, – уточнил Голдберг.

– Да. Друг, что был со мной, рассказал мне о нем. Похоже, все они, евреи, боятся этого загадочного Цадика; будто их несчастья – все эти препоны, надувательства и преследования – его рук дело. Но, видите ли, они суеверны и считают, что он... не человек. От самых отдаленных штетлов[2 - Небольшие еврейские поселения.] до трущоб Варшавы, Бухареста и Вены все говорят о Цадике как о демоне, как о чем-то сверхъестественном. Ходят слухи, что ему служит дибук[3 - В древнееврейских легендах – дух, который вселяется в тело живого человека с целью похитить его душу.] – маленький бес из преисподней. Само имя Цадик означает «праведный, святой, благочестивый», называя его так, евреи хотят умиловить этого демона, такая вот отчаянная шутка. Когда я впервые услышал эти разговоры, то подумал: как можно быть такими суеверными? Но теперь... Я видел его, Голдберг. И думаю, они правы.

Дело было вот как: в Риге приятель отвел меня в доки, откуда был виден трап парохода. Стояла глубокая ночь; доки закрыли с вечера, и если бы нас поймали, то отправили в тюрьму. Мы собирались посмотреть, как Цадик сядет на корабль. Все происходило в обстановке строжайшей тайны; никто его не видел, потому что он передвигается по ночам. Минула полночь, и тут к трапу подъехала повозка.

Большая, шикарная, такая массивная, сработанная на славу. Мы оттуда не могли видеть, как его выгружают, но...

– Выгружают? – переспросил Голдберг.

– Слушайте. Когда повозка отъехала, мы увидели его на мостике – его тянули два матроса, а сзади толкали два лакея. Цадик был в инвалидной коляске. Невероятно толстый. Тут же шел слуга и нес что-то вроде пледа. И – вы можете мне не верить, – но я видел дибука.

Голдберг поднял голову. Либерман выглядел напряженным, он почти допил бренди. Голдберг налил еще, и тот продолжил:

– Маленькая тень, будто кошачья, однако это был человек. Гомункул вроде тех, что создавали алхимики из старых рассказов. Он все бегал туда-сюда по откидному мостику...

Либерман закрыл глаза и, дрожа всем телом, вздохнул.

– В общем, они подняли его на борт, а потом и повозку – подъемным краном. Мы с приятелем ушли оттуда и позже по суше добрались до Роттердама. Второй раз я услышал о Цадике на борту корабля в ту ночь, когда мы переправлялись сюда. Я стоял на палубе – внизу воздух был спертым и прокуренным – и старался спрятаться от ветра за одной из спасательных шлюпок. И вдруг услышал разговор двух человек. Я должен был прислушиваться – двигатель работал, я даже чувствовал толчки за переборкой – так это, кажется, называется? И вот, я стоял там, кутаясь в пальто, и увидел силуэты двух людей. Они оперлись на перила и говорили по-английски.

Один из них сказал: «Пятьдесят шесть пассажиров, по пять гульденов с каждого. Итого двести восемьдесят. Ты должен мне десять процентов – двадцать восемь гульденов». Я узнал его голос, это был чиновник, ставивший пассажирам в документы штамп, позволяющий подняться на борт.

Другой ответил: «Ты не говорил про десять процентов. Мы договаривались о пяти».

Чиновник сказал: «Цена выросла. Это в последний раз мы так плывем из Роттердама; власти тоже хотят иметь свою долю. Но мне ведь надо зарабатывать. Десять процентов – или я пойду к Цадику».

Второй поворчал, но добавил несколько монет. Потом спросил: «Я слышал, что Цадик в России. Ты вернешься туда?»

«Он едет в Лондон, – ответил чиновник. – Все уже почти готово».

Второй спросил: «Если этот трюк больше не удастся, что будем делать в другой раз?»

Чиновник ответил: «Когда будешь в Лондоне, отправляйся на Блэкмур-стрит к мистеру Пэрришу. Он тебе все расскажет».

Из-за гудка я не расслышал, что сказал второй. Потом они пожали друг другу руки, и чиновник ушел. Другой остался на палубе, пока пароход не вышел из дока и не покинул гавань. Тогда он направился вниз. А у меня как раз начался приступ морской болезни.

Либерман замолчал и откинулся на спинку стула. Голдберг постукивал кончиком пера по зубам и что-то обдумывал.

– Ты сказал – Пэрриш? – спросил он. – На Блэкмур-стрит?

– Это то, что я слышал. И более ничего. Простите, Голдберг, но я не мог следить за ним, когда мы сошли на берег. Я был чуть живой. Так что больше об этом Пэррише ничего не знаю... А вам что-нибудь говорит это имя?

– О да, – ответил Голдберг. – Я слышал о мистере Пэррише. Но не знал, что он в этом замешан... Либерман, это чрезвычайно любопытно. Я вам премного благодарен.

Глаза Либермана были закрыты. Камин не горел, и в комнате было промозгло. Голдберг взял с кровати одеяла и накрыл ими молодого человека. Затем с тоской взглянул на свои сигары, но довольствовался тем, что зажал одну из них между зубами, не раскуривая; подняв воротник пальто и обернув вокруг шеи шарф, он принялся писать.

Глава третья

Метрическая книга

На следующее утро, наказав Саре-Джейн присматривать за Харриет, а Элли не пускать посторонних, Салли отправилась в свою контору в Сити.

Три узких пролета лестницы вели на последний этаж старого дома в Бенгал-Корт, что недалеко от собора Святого Павла. В этом же здании ютились страховой агент, окулист, торговец табаком, служащий американской компании по производству печатных машинок, а также офис «Трайсайклинг газетт». Здесь все занимались своим делом, и соседи были довольно дружелюбными людьми, однако Салли не давала покоя мысль, что каждый из них мог следить за ней. Иначе откуда Пэрришу столько знать про нее, если у него не было шпионов?

Маргарет Хэддоу была уже на месте. Двумя или тремя годами моложе Салли, она казалась старше из-за своего строгого, неприступного вида и сухих манер. Салли безоговорочно доверяла ей. Их секретарша, Сисли Корриган, приехала из Бромли, у нее была больная мать, и она обычно появлялась на работе чуть позже.

– Дел много? – спросила Салли, снимая шляпку и плащ.

– Не очень, – ответила Маргарет. – До завтра нужно разобраться с акциями южноамериканских шахт, а еще я бы хотела, чтобы мы вместе посмотрели досье мистера Томпсона. В три у меня встреча с миссис Уилсон. Разговор будет о золотых приисках в Австралии – похоже, там дела идут весьма неплохо.

– Ты можешь отложить все и сделать кое-что для меня?

– Конечно, а что случилось?

Салли поведала ей свою историю. Она рассказывала ее не в первый раз, но до сих пор сама не могла поверить в происходящее. Маргарет несколько раз была во Фруктовом доме, знала Харриет, и ее реакция оказалась куда более сочувственной, чем у адвоката и клерка.

– Это возмутительно! – заявила она. – Чем могу тебе помочь? Если хочешь, чтобы я дала показания в суде, – только скажи.

– Надеюсь, до суда не дойдет, – ответила Салли. – Хочу до слушаний выяснить, зачем ему все это нужно. Если я буду знать, в чем дело, то пойму, как с этим бороться. Сегодня я собираюсь в церковь, посмотреть метрические книги – поезд через сорок минут, – но мне нужно разузнать что-нибудь об этом Пэррише. Ты можешь сходить к нему вместо меня?

– Конечно! И что сделать? Застрелить его?

Салли улыбнулась:

– Пока не надо. Придумай какую-нибудь правдоподобную историю, будто у тебя к нему дело, и, может, удастся выяснить, чем он занимается... Хотя что-нибудь.

Я даже не знаю, что искать, потому как не знаю ничего о нем самом. Любая информация будет полезной.

Салли добралась до Портсмута к полудню, и двухколесный экипаж отвез ее к дому приходского священника церкви Святого Фомы в Саутхеме. Это была окраина города: маленькие невзрачные дома из кирпича, грязные лавки – отдаленное местечко на железной дороге, куда еще не добралась цивилизация. Церкви на вид было не больше пятидесяти лет: достаточно старая, чтобы обветшать, но недостаточно ветхая, чтобы вызывать интерес. Домик священника выглядел не лучше.

Как сообщила Салли служанка, пастор, мистер Мюррей, обедал. Может, она зайдет через полчаса? Салли согласилась и, чтобы убить время, направилась в храм. Это была обычная церковь эпохи готического возрождения, неприглядная, единственный интерес представлял список священников, висящий на стене. У мистера Мюррея оказалось пятеро предшественников. Сам он получил этот приход всего год назад, во время вымышленного венчания его здесь еще не было. Священника, служившего в то время, звали Бич.

Когда Салли решила, что мистер Мюррей, должно быть, закончил обедать, она вернулась к домику. Служанка проводила ее в кабинет пастора. Он был среднего возраста, высокий, худощавый и выглядел как-то сурово.

– Я хотела бы взглянуть на приходскую метрическую книгу, – сказала Салли.

– Вы в курсе, что наши записи начинаются лишь с тысяча восемьсот тридцать второго года? – спросил мистер Мюррей. – Если вы пытаетесь выяснить что-либо о ваших предках, смею вас заверить, вряд ли вы что-нибудь найдете.

– Мне нужны лишь записи о бракосочетаниях, – ответила Салли. – За тысяча восемьсот семьдесят девятый год. Мистер Мюррей, что у вас за приход? Спокойный?

– Люди здесь разные. Прихожан не так много, даже мало, я бы сказал. Люди приезжают и уезжают; в наши дни жизнь беспокойная, не многие остаются жить в том месте, где родились. В моем последнем приходе – в деревне – я шел по улице, и все, кого встречал, были мне знакомы, я знал их семьи, знал все, что с ними происходит. Здесь же я могу ходить по улицам целый день, но так и не

встретить знакомого лица.

– А ваш предшественник, мистер Бич, вышел на пенсию?

Повисла пауза.

– Почему вы спрашиваете? – поинтересовался священник.

– Я хотела узнать о бракосочетании, которое состоялось здесь в тысяча восемьсот семьдесят девятом году. Если запись о нем есть в книгах, я собиралась спросить мистера Бича, помнит ли он ту церемонию.

– Понимаю. Пастор Бич действительно сейчас на пенсии. Но, боюсь, я не смогу дать вам его адрес.

– Не сможете?

– Я его просто не знаю, – коротко ответил он. – Но если хотите посмотреть метрические книги, пойдемте в храм.

Он встал и открыл дверь, Салли последовала за ним через запущенный сад в церковь.

В пропахшей пылью ризнице, где даже дневной свет казался серым от пыли, священник достал из шкафа кипу книг и положил их на стол перед Салли.

– Вам нужны записи о бракосочетаниях, – сказал он, указав на большой зеленый фолиант с соответствующей надписью на обложке. – Эта метрическая книга ведется с тысяча восемьсот тридцать второго года. Здесь зарегистрированы все браки, совершившиеся в нашем приходе. Когда, вы сказали, это было?

– В тысяча восемьсот семьдесят девятом году, в январе. Здесь часто случаются свадьбы, мистер Мюррей?

– Два-три раза в квартал. Не очень часто. Вот, смотрите.

Он протянул ей книгу на открытой странице. Там было две записи, под каждой оставлено место для подписи новобрачных. В первом случае жених, совершенно явно, был не в состоянии держать перо, поэтому он лишь поставил корявый крестик. Подпись его жены была немногим аккуратней.

Салли взглянула на вторую запись, там она и увидела свое имя.

3 января 1879 года Артур Джеймс Пэрриш сочетался браком с Вероникой Беатрис Локхарт.

Она непроизвольно на секунду задержала дыхание, затем взяла себя в руки и продолжила читать. В графе, где указывался возраст, про нее и Пэрриша было написано лишь, что оба совершеннолетние, но это было обычной практикой, как она поняла из других записей. В графе «Звание или профессия» Пэрриш значился как комиссионер, а в качестве места жительства обоих указывался Саутхем. В колонке «Имя и фамилия отца», на том месте, где должны были быть данные о ее родителе, стоял прочерк, как и в колонке, указывающей на его род занятий. Отца новобрачного звали Джеймс Джон Пэрриш, и он был клерком.

– И что, нет никаких адресов? – спросила Салли. – Даже адреса свидетелей?

– Адресов нет. Они не записываются.

– Значит, они могут быть кем угодно? Вам известны эти люди?

– Свидетели были обозначены как Эдвард Уильям Симс и Эмили Франклин. – Мистер Мюррей покачал головой.

Салли узнала свой почерк, в этом она не сомневалась. Это была ее подпись или же искусная имитация. Эти люди явно раздобыли какой-то из ее документов, правда, обычно она подписывалась просто «Салли»; но это были ее «В», ее «Б» и ее «Локхарт», выведенные быстро и нечетко. Остальные записи были сделаны рукой преподобного мистера Бича.

– А можно каким-то образом подделать эти записи? – спросила она.

– Подделать?

– В смысле, внести фальшивые сведения. Можно открыть страницу за какой-нибудь прошедший год и сделать запись о бракосочетании?

– Совершенно невозможно. Ведь они идут последовательно. Делаются в день заключения брака и, видите, все пронумерованы. Например, эта стоит под номером двести три. Двести четвертая была сделана – дайте-ка взгляну – уже в марте. Нет, намеренно сюда не может вклиниться ни одна запись, если вы об этом спрашиваете. Если бы вам нужно было поместить сведения о браке, совершившемся в тысяча восемьсот семьдесят девятом году, то и делать это нужно было бы в тысяча восемьсот семьдесят девятом году.

– А какие-нибудь другие записи о бракосочетаниях ведутся?

– Каждый квартал я должен сообщать регистратору о браках, заключенных за этот период. Я посылаю ему вот такую форму, – он показал ей лист бумаги, – со всеми сведениями из метрической книги. Что с ними происходит потом, честно говоря, не знаю. Иногда регистратор посылает запрос, если что-то было заполнено неверно – пропущено слово или почерк неразборчивый, так что, видимо, кто-то эти бумаги проверяет. Возможно, их посылают в Сомерсет-Хаус.

В Сомерсет-Хаусе в Лондоне хранилась Главная книга записей актов гражданского состояния.

После церкви Салли собиралась отправиться туда, но уже заранее знала, что обнаружит.

– Понятно, – сказала она. – Что ж, спасибо, мистер Мюррей. Я сделаю копию страницы, если вы не возражаете.

Она управилась довольно быстро. Священник все это время стоял рядом, а затем бережно положил книги обратно на полку.

– Насчет вашего предшественника, мистера Бича, – начала Салли. – Может, в этом местечке кто-нибудь знает, где его искать? Ваша прислуга, например?

Было видно, что священник замешкался, его лицо приняло еще более суровое выражение.

– Все, кто работает в приходе, как бы сказать... они новенькие, – ответил он. – Превняя кухарка ушла еще до того, как я здесь появился; экипажа у мистера Бича не было, поэтому конюха он не держал. В доме была служанка, но я уволил ее почти сразу после моего приезда. И не знаю, где она теперь.

– А церковные старосты? Они ничего не могут знать? Может, епископ скажет?

– Я... По правде говоря, мисс Локхарт, дела прихода шли не слишком хорошо, когда я его принял. Мистер Бич долгое время болел. И думаю, если вы хотите что-либо узнать у него, вряд ли он сможет вам помочь, где бы сейчас ни находился.

– Я не понимаю, вы хотите сказать, он до сих пор болен? Мистер Мюррей, у меня дело исключительной важности. Конечно, мне бы очень не хотелось докучать мистеру Бичу, но если бы я могла с ним поговорить...

– Мисс Локхарт, я не знаю, где он, и очень сомневаюсь, что это знает кто-либо еще в нашем местечке. А что до епископа, – пастор пожал плечами, – ищите. Вы... – он взглянул на полку, куда положил книги, – вы хотите сказать, что эти записи неверны? Вы спрашивали, можно ли их подделать. Это весьма серьезное дело.

– Знаю, – ответила Салли. Рассказать ему? Может, знает он причину, он поведал бы ей гораздо больше? С другой стороны, можно ли ему доверять? – Дело очень серьезное. Пока не могу вам всего рассказать, но если бы я нашла мистера Бича, он смог бы дать мне чрезвычайно важную информацию.

Священник взглянул на нее, его темные глаза казались еще темнее на мертвенно-бледном лице, выражение которого оставалось невозмутимым. Он молча повернулся и открыл перед ней дверь.

Она встала и направилась к выходу. Пастор запер ризницу, они обменялись рукопожатием и разошлись, не сказав ни слова.

До отхода поезда в Лондон оставалось время, и Салли решила не терять его понапрасну. Она направилась в почтовое управление и спросила там секретаря.

Он подошел к стойке; Салли предпочла бы разговор один на один, но тот выглядел нетерпеливым. Она оказалась зажата между женщиной с посылкой и почтенной дамой, покупающей марки.

– Я пытаюсь найти человека, который жил в Портсмуте три года назад, – сказала Салли, – он мог оставить здесь свой нынешний адрес? Его зовут Бич. Преподобный мистер Бич из Саутхема.

Секретарь вздохнул:

– Сомневаюсь, мисс. Хотите, чтобы я посмотрел?

– Да. За этим я к вам и обратилась.

Он с недовольным видом исчез в задней комнате. Дама, покупавшая марки, отошла, и ее место занял мужчина, желавший сделать денежный перевод. Когда и он ушел, вернулся секретарь.

– Никаких записей о мистере Биче, – сказал он.

В его глазах играл злорадный огонек – он явно радовался тому, что разочаровал ее.

– Спасибо, – ответила Салли, улыбаясь, чтобы не доставить ему удовольствия, и направилась к двери.

Уже на улице она почувствовала, как кто-то дергает ее за рукав.

– О, мисс, простите, но...

Это была дама, покупавшая марки.

– Да? – откликнулась Салли.

– Я совершенно случайно услышала, о чем вы говорили с секретарем, и, возможно, это не мое дело, но я посещала приход мистера Бича, и если вы его

ищите...

– Да, ищу! Как я рада, что вы слышали разговор. Вы знаете, где мистер Бич?

Старая женщина оглянулась по сторонам и наклонилась поближе к Салли. От нее пахло лавандой, а меховой шарф источал запах нафталина.

– Думаю, он в тюрьме, – прошептала она.

– Правда? Почему?

– Точно не скажу, потому что не знаю. Видит Бог, я вовсе не хочу оклеветать несчастного человека, поддавшегося искушению, но правда выйдет наружу. Я перестала ходить в церковь Святого Фомы за год или два до того, как его... отстранили, но вы ведь понимаете, – слухами земля полнится... Он всегда казался мне каким-то нервным. Без семьи, холостяк, а в священниках этого почему-то не любят. Весь последний год, что я посещала церковь, он вовсе не казался мне хорошим человеком. Когда рука, дающая тебе облатку во время причастия, так дрожит, это наводит на определенные мысли, понимаете?

– Значит, вы думаете, он в тюрьме? – спросила Салли.

– Разное поговаривают. Конечно, не всему можно верить, но он так внезапно уехал... Еще я слышала, церковные власти постарались, чтобы ничего не просочилось в газеты, но у моей хорошей подруги, мисс Хайн, двоюродный брат работает в Министерстве внутренних дел. Он, конечно, не говорил всего, что знает, но намекнул, дескать, мистер Бич может находиться в тюрьме.

– Как странно, – сказала Салли. – Но в чем его обвинили?

– Ничего не могу вам сказать. Но не приходится сомневаться, что запасы церковного серебра (часть которого была подарена семьей Кроссе – судостроителей) изрядно поредели в то время, напрасно потом искали серебряную чашу. Понимаете, это тоже наводит на размышления.

– Ясно, – кивнула Салли. – Что ж, большое вам спасибо, миссис...

– Мисс Холл. А вы первый раз в Портсмуте?

Салли попыталась как можно вежливей отделаться от старушки. Она сказала, что представляет некое миссионерское общество; мистер Бич когда-то проявлял интерес к их деятельности, а коль скоро уж она оказалась в этих местах... Нет, конечно, это очень мило со стороны мисс Холл, но она не может попить с ней чаю, так как опаздывает на поезд. Большое спасибо, всего хорошего.

Пока поезд под бледными лучами осеннего солнца шел через Гемпшир, Салли была погружена в мысли: исчезнувший священник, который, может, сидит в тюрьме, а может, и нет. Запись в метрической книге, которую она видела своими глазами. Кто-то очень давно все это спланировал, еще до рождения Харриет. Кто-то так аккуратно плел вокруг нее свою сеть, что она ни о чем не подозревала, а потом выжидал, когда наступит самый подходящий момент, чтобы спутать ее по рукам и ногам.

Салли нащупала в сумке рукоять пистолета, но тут же отпустила. «Пока еще рано. Сначала нужно поймать его в прицел, – подумала она. – Я ведь даже не знаю, как выглядит этот Пэрриш».

Но все же как жутко было обнаружить себя опутанной невидимой паутиной и как легко, имея перед глазами доказательство в виде метрической книги, поверить в то, что все это правда: что она действительно была замужем и потеряла память...

Маргарет Хэддоу взошла по ступенькам к двери, за которой находилась контора Артура Пэрриша, повторяя про себя все то, что собиралась сказать. История Салли мало походила на правду, однако сама Салли была далеко не такой обычной женщиной, как о себе думала, и Маргарет по-своему любила ее.

Она постучала, ее пустили внутрь, через несколько мгновений она уже сидела в маленьком прибранном кабинете напротив самого мистера Пэрриша. Он производил впечатление опрятного человека: аккуратные усики, тщательно подстриженные черные волосы. Маргарет подумала, что именно таких называют щеголями. Единственно, глаза его были неподвижны, а рот почему-то казался жадным. Ни тени тщеславия, хотя по общепринятым меркам он был весьма хорош собой. Темный костюм, накрахмаленный воротничок рубашки, неброский галстук и три перстня на пальцах – такие в то время носили многие мужчины.

Маргарет подметила все эти детали, но старалась не глазеть на него в открытую.

– Мистер Пэрриш, вы работаете в Америке? – спросила она.

– Я работаю где угодно, – ответил он. – А что вас интересует?

– В Баффало у меня живет двоюродный брат. Это штат Нью-Йорк. Он хочет заняться бизнесом – импортировать фарфор. И вот он попросил меня раздобыть ему образцы лучших производителей и отправить через океан...

Мистер Пэрриш что-то записал серебряным карандашом.

– У большинства фирм, производящих фарфор, свои агенты, – заметил он. – Вашему брату придется конкурировать с хорошо отлаженной системой сбыта, вы это понимаете?

– Он хотел бы специализироваться на изящных изделиях, настоящих произведениях искусства лучших фирм. Но я ничего не смыслю в фарфоре, мистер Пэрриш, и тем более в бизнесе. С чего стоит начать?

Он отложил серебряный карандаш и объяснил Маргарет, что ее воображаемому брату лучше всего на данном этапе разослать письма в интересующие его компании и предложить свои услуги. Он, мистер Пэрриш, безусловно, может дать ей список имен и адресов, а если нужно, даже купить и послать в Америку образцы от разных производителей.

Маргарет была удивлена. Он казался человеком деловым и ответственным, да и совет его был толковым. Сразу видно, что бизнесмен он честный.

Она поблагодарила комиссионера, задала еще пару вопросов, чтобы ее легенда выглядела более правдоподобной, и сказала, что напишет брату письмо и подождет ответа.

Но в тот момент, когда она уже собралась уходить, он огорошил ее.

– Кстати, мисс Хэддоу, – начал он, – пожалуйста, доведите до сведения моей жены, что она мало чего добьется, посылая вас шпионить за мной. Вы меня понимаете? Конечно, если у вас действительно есть кузен, живущий в Баффало, который хочет торговать фарфором, я помогу вам. Мне начинать работать в этом направлении? Нет? Я так и думал. Что ж, запомните, что я вам сказал.

Маргарет не могла вымолвить ни слова, лицо ее пылало. Она еще раз взглянула в его непроницаемые глаза, развернулась и вышла.

– Все бесполезно, – жаловалась она позже Салли за чайным столиком во Фруктовом доме. – Чувствую себя такой дурой. Он с самого начала знал, кто я такая, а я-то считала, что все продумала...

Харриет купалась в ванне на втором этаже, и после того, как Сара-Джейн уложит ее в постель, Салли поднимется к дочери, посидит немного, расскажет сказку и споет колыбельную. А пока они с Маргарет были одни, и лишь шипение чайника на плите и редкое цоканье копыт за воротами нарушали тишину. Обычно Салли любила наблюдать, как в саду меркнет солнечный свет, но сегодня она задернула занавески пораньше; в этот раз казалось, что не свет покидал ее дворик, а скорее тьма сгущалась вокруг дома, и Салли не хотела пускать ее внутрь.

Раздался стук – вошла Элли, чтобы приготовить чай. Она была спокойной, милой девушкой, работавшей у Гарландов, когда они еще жили в Блумсбери, до пожара, в котором погиб Фредерик. Недавно она обручилась с конюхом местного врача и собиралась уйти от нее. Салли радовалась за девушку, но в то же время сожалела, что Элли больше не будет рядом.

Когда она протянула Элли чашку с блюдцем, ей в голову пришла мысль.

– Элли, – спросила она, – сколько людей знало, что мистер Уэбстер и мистер Джим уезжают?

– Вы имеете в виду людей из нашего городка, мисс? Думаю, знали все, кто был с ними знаком. Их отъезд не был секретом.

– Ты говорила кому-нибудь, куда они направляются?

– Только Сиднею, мисс. Моему жениху. Я зря это сделала, мисс?

– Нет, ничего страшного. Но кто-нибудь знает, например, что сейчас они находятся в джунглях? Ты никому не говорила о последнем письме Джима?

– Только кухарке, мисс. Точно не помню. О, погодите. То письмо, с чернильными разводами, последнее, помните, вы еще сказали, что, должно быть, его уронили в Амазонку. Вы мне его прочли, там про высушенные головы и всякое такое и про то, как мистер Джим сказал, что либо они вернутся домой на корабле, либо в картонной коробке. Это рассмешило кухарку, точно. Она сказала, что если сюда пришлют его высушенную голову, она повесит ее над плитой – отпугивать мух. Мы разговаривали об этом на кухне, и еще там в это время был точильщик. Он тоже смеялся; помню, нам было очень весело. Я понимаю, над этим не пристало смеяться, но мистер Джим и сам, думаю, хохотал бы пуще остальных.

– Конечно. А что это за точильщик?

– Забыла, как его зовут. Кухарка, должно быть, знает. Прежний точильщик в прошлом году ушел, и вот пришел новый. Заходит раз в месяц, точит ножи, ножницы и все остальное. Однако странно...

– Что странно, Элли?

– Он не ходит к доктору Тэлботу. Сидней сказал, что к нему заходит мистер Пратт, старый точильщик. Но у нас он больше не бывает. А новенький такой дружелюбный, всем интересуется, да и работу свою делает на славу. Мистер Пратт был таким медлительным. Не думаю, что кухарка его выгнала, просто однажды в дверь постучался другой точильщик и сказал, что мистер Пратт уходит и не угодно ли нам теперь будет воспользоваться его услугами. Я сделала что-то не так, мисс?

– Брось, Элли. Когда он должен прийти в следующий раз?

– Он был на прошлой неделе, так что, думаю, не скоро. Он ведь не регулярно появляется, раз в месяц, не чаще.

– Когда он придет в следующий раз, сообщи мне, только ему ничего не говори. Просто найди меня и скажи, что он сейчас у нас, хорошо?

– Хорошо, мисс Локхарт. Я запомню.

Она собрала чашки с блюдами и вышла.

Маргарет заметила:

– Значит, шпион?

– Похоже на то, правда?

– Может, тебе стоит сходить в полицию?

– Они поднимут меня на смех, Маргарет. Где здесь преступление? Не забывай, он женат на мне, по крайней мере, они так подумают. И он имеет право шпионить за своей женой.

– Тогда нужно сообщить хотя бы адвокату.

– Да, ему я расскажу, – согласилась Салли. – Полагаю, это пойдет на пользу.

Вскоре Маргарет ушла на железнодорожную станцию, а Салли поднялась к Харриет. У ее постели она провела гораздо больше времени, чем обычно. Обняв дочку, она спела ей все колыбельные, которые только смогла вспомнить, а потом предложила сыграть в игру, в которую Харриет обычно играла с медвежонком, но все ее правила знал лишь Джим; поэтому Салли задула свечку, легла рядом с Харриет и начала придумывать историю о том, как Джим и дядя Уэбстер продираются сквозь джунгли. Это было пустым занятием; она понимала, что не обладает и десятой частью воображения Джима. Но, похоже, Харриет была счастлива просто от того, что мама рядом.

Глава четвертая

Прежде чем уйти, Маргарет сказала Салли:

– Я кое-что вспомнила. Может, это и не имеет значения... В конторе Пэрриша две комнаты – в одной сидит он сам, другая – это та, через которую нужно пройти, чтобы к нему попасть. В ней сидели два клерка. Там было множество разных папок, справочников, в общем, обычный офис, каких много. Вот только беспорядка там не было, каждая вещь находилась на своем месте. Когда я выходила, в той комнате сидел еще один человек, похожий на сборщика арендной платы, с такой маленькой кожаной сумочкой. Я так злилась на себя, что практически не слышала, о чем эта троица говорила, к тому же, когда я проходила мимо, они замолчали. Но, по-моему, этот третий сказал что-то вроде: «Это добьет обескровленных евреев» или «Это обескровит евреев». Вот все, что я услышала. Это запало мне в память.

Для Салли это ничего не значило. Клерки могли обсуждать все, что угодно, начиная с выигрыша на скачках, который обойдется еврейским букмекерам в кругленькую сумму, и кончая чем-нибудь совсем гнусным, но к ее делу все это не имело ни малейшего отношения. Однако она почему-то вспомнила о словах Маргарет уже после того, как уложила Харриет спать. Пытаясь занять себя чем-нибудь, чтобы отвлечься от своих проблем, Салли взяла полистать экземпляр «Иллюстрированных лондонских новостей».

Слово «евреи» в заголовке привлекло ее внимание, и она просмотрела статью. В журнале была иллюстрация погрома в Киеве, а сам текст живописал, как евреи подвергаются гонениям со стороны остальных жителей города, как те громят их магазины и поджигают дома. Это не было похоже на отдельные вспышки насилия, за всем этим стояла целая организация; как прочитала Салли, во время погрома раздавался свисток, и люди, поджигавшие дома, немедленно растворялись в толпе. Солдаты не делали ничего, чтобы защитить еврейское население. Они стояли и смотрели, например, как старого еврея избивают прямо на улице.

Салли где-то читала, что российское правительство проповедует политику антисемитизма с тех пор, как на трон взошел новый царь. Прежний был убит годом раньше, и правительство, видимо, хотело обвинить в этом евреев, но она даже не подозревала, что все зашло так далеко. Может, об этом говорили люди

в офисе Пэрриша? Узнать наверняка не представлялось возможным.

В том же журнале она наткнулась на политэкономическую статью и стала читать ее, чтобы не думать о плохом. Но статья раздражала ее. Кто-то пытался возродить Международную ассоциацию рабочих, которая в свое время раскололась на социалистическую и анархистскую половины, и человек по имени Голдберг призывал всех сплотиться в борьбе против капитализма.

Поскольку Салли считала себя приверженкой капитализма, статья вряд ли могла ее тронуть. Она мало знала о социализме и еще меньше ей хотелось что-либо о нем знать. Она вынесла, что экономика не в лучшем состоянии и что агитация, пропаганда и дешевые писаки – она узнала, что Голдберг был вроде журналиста, – мало чем могут помочь.

Салли швырнула журнал на пол.

Боже, какая беспомощность... Шпион на кухне, фальшивая запись в метрической книге. Что происходит? Почему? И цель всего этого была обозначена последней строкой в ходатайстве: кто-то хотел забрать у нее Харриет. Кто-то хотел отнять у нее ребенка.

Она поднялась на второй этаж и принесла в комнату Харриет ночник. Дочка спала, ее густые волосы были расчесаны и блестели в темноте, одна рука лежала поверх одеяла, лицо было спокойным и таким невинным. Мишка покоился рядом на подушке. Он лежал на самом краю, Салли подвинула игрушку, чтобы она не упала на пол, и, наклонившись, поцеловала дочурку. Никто не отнимет у нее Харриет, никогда.

Она подоткнула ей одеяло и спустилась вниз. Можно написать Розе, как она раньше об этом не подумала! Сестра Фредерика была ее самой давней подругой, к тому же она замужем за священником, он мог бы посоветовать, как разыскать исчезнувшего мистера Бича из Портсмута.

Отлично, хоть чуть-чуть поднялось настроение. Она включила лампу, села за стол и начала писать.

Мистер Пэрриш в тот вечер интересовал не только Салли. В баре на углу Блэкмур-стрит уже некоторое время сидели два подростка, они расположились

около двери, чтобы наблюдать за происходящим на улице. Окна в большинстве офисов уже погасли, а служащие и торговцы разъехались по домам в Холловей, Айлингтон, Кембервель, Эктон или Брикстон. Свет в конторе мистера Пэрриша все еще горел, и парни из бара были в курсе – почему; они знали, что им пора идти.

Оба были худощавы, и выражение их лиц нельзя было назвать доброжелательным. У обоих кепки были надвинуты на лоб, у одного шея обмотана белым шарфом, у другого – грязным бело-голубым платком, и у того и у другого были ремни с отполированными до блеска пряжками, украшенные медными гвоздями – по моде Ламбета. Один был темноволосый, другой – рыжий. Первый откликнулся на имя Билл, он был среднего роста и не казался силачом, однако мужчины вдвое здоровее его хорошенько подумали бы, прежде чем становиться у него на пути. В глазах парня читалось ледяное бесстрашие, а костяшки на его кулаках были испещрены шрамами. Его товарища звали Лайам, и он производил еще более жуткое впечатление, если это вообще возможно. Похоже, сказать им друг другу было особенно нечего.

Оставив свой стакан недопитым, Билл сдвинул кепку на глаза и выскользнул на улицу. Лайам молча последовал за ним. Через десять минут или около того, если все будет так же, как и последние три недели, на Блэкмур-стрит свернет человек и направится в офис мистера Пэрриша. На полпути от Друри-лейн, откуда обычно появлялся этот человек, до двери конторы находился узкий переулок, ведущий в тупик Клэр-Корт; в этот переулок и направились Билл и Лайам, причем с таким видом, будто оба там жили.

Чутье Билла подсказывало ему, что за ними по Блэкмур-стрит идет полисмен. Поэтому он сделал знак Лайаму, и оба вжались в дверной проем и подождали, пока шаги не удалятся. Внимание молодых людей привлекло основное неудобство этого места, а именно газовый фонарь, висевший на высоте двух с половиной метров. Билл заранее изучил его и знал, что с ним делать.

– Вот, держи, – обратился он к Лайаму. – Я тебя подсажу. Вынь оттуда горелку.

Он протянул приятелю пассатижи и, сцепив руки так, чтобы Лайам мог на них встать, поднял его повыше. Небольшое усилие, и лампа мгновенно поддалась. Лишь струйка газа поднималась в ночное небо. «Ну и пусть», – подумал Билл. Все равно долго они здесь не задержатся.

Он достал осколок зеркала (осколок был в картонной рамке, чтобы края не разрезали карман) и высунул руку за угол, чтобы увидеть нужного им человека, когда он подойдет к подворотне. На улице уже было тихо, даже бар опустел: посетители допили напитки и разошлись по домам к своим Аделинам, Кэрри и Эмили. Билл увидел в зеркальце несколько слоняющихся без дела личностей; замерев, он дождался, пока они пройдут мимо.

А затем появился человек, которого они ждали, он опоздал всего на одну-две минуты. Это был грузный мужчина в потертом твидовом пальто и котелке, на плече у него висела небольшая кожаная сумочка.

– Он идет, – прошептал Билл.

Лайам сделал шаг от стены, но все еще держался в тени. Когда мужчина поравнялся с ними, Билл заговорил:

– Пардон, приятель...

Человек неуверенно остановился, вглядываясь в темноту.

– Что вам нужно? – спросил он.

– Спички не найдется? – сказал Билл.

Мужчина начал рыться в кармане. Билл только этого и ждал. Он шагнул вперед, схватил толстяка за воротник пальто и изо всех сил дернул на себя. Человек даже крикнуть не успел; Лайам двинул ему в челюсть, и тот рухнул на землю. Ребята проворно утащили тело в темноту.

На земле оказалась и кожаная сумка. Она была тяжелой, внутри что-то позвякивало. Билл повесил ее себе на плечо и вдруг увидел, как что-то сверкнуло возле губ мужчины.

– Осторожно! – сказал он вполголоса, и Лайам ударил человека по руке.

Полицейский свисток покатился в сточную канаву. Билл схватил жертву за ворот и крепко потрянул.

– Слушай, – прошипел он, – не вздумай сопротивляться. Будь наша воля, ты бы уже получил перо под ребра. И получишь, если придется. Выворачивай карманы, живо. Все вынимай. И только пикни – даже пожалеть об этом не успеешь.

Трясаясь от страха, мужчина поднялся на колени и вывернул карманы. Роговый гребешок, горсть мелочи, ключи...

– Все вынимай! – настойчиво повторил Билл.

Спички. Носовой платок. Трубка. Кисет.

Билл потерял всякое терпение и сам принялся шарить по одежде мужчины. В кармане жилета он нашел то, что искал, – старую, замусоленную записную книжку.

– Есть! – сказал он. – А теперь я хорошенько тебе врежу, потому что мне не нравится, чем ты занимаешься.

Мужчина отпрянул:

– Нет, погодите, не надо...

– Успокойся, я же еще не бью. Просто говорю заранее, поэтому не жалуйся, что не предупреждал. Но сначала скажи мне: сколько еще народу работает на твоего хозяина?

– Больше никого, клянусь...

– Только ты один?

– Да, в этом отделе один, честное слово!

– А нет ли у него другого отдела, о котором ты не говоришь?

– Нет! Пожалуйста, отпустите меня! Я обычный человек, я просто пытаюсь заработать себе на кусок хлеба...

Билл ударил его и положил в карман записную книжку. Отойдя на пару шагов от мужчины, который стонал, лежа в сточной канаве, он сказал:

– Кстати, на твоём месте я бы не курил здесь трубку. Вон оттуда газ идет. Такой взрыв получится... Хочешь еще по морде? Нет?

Он пнул его ногой, и ребята, надвинув кепки на глаза, вышли из подворотни и свернули за угол. Когда они были уже довольно далеко от переуллка, Лайам сказал:

– Ладно, давай мою долю, и я сваливаю.

Билл раскрыл кожаную сумку и достал оттуда несколько монет.

– Держи, – сказал он. – Двадцать. Как и договорились.

– Там больше, чем двадцать, это точно.

– Мы договорились – двадцать, – ответил Билл. – Ты их получил. Не нравится – в следующий раз возьму с собой Брайди.

– Не трогай Брайди, – ответил Лайам. – Не впутывай ее.

Они обменялись недружелюбными взглядами и разошлись. Лайам повернул налево и пошел на юг в сторону реки и Ламбета. А Билл двинулся по направлению к Сохо.

Маргарет Хэддоу узнала бы жертву нападения: это был человек, которого она видела утром в конторе мистера Пэрриша. Тот самый, что упоминал евреев. Звали его мистер Табб.

Через двадцать минут после того, как на него напали, он вновь направлялся к Пэрришу, но уже куда менее охотно, чем утром.

– Ты опоздал, – заметил Пэрриш, когда он вошел в кабинет.

– Мистер Пэрриш, я очень сожалею, меня ограбили...

Глаза комиссионера делались все шире по мере того, как он осматривал пришедшего. Разбитый нос, заплывший синяком глаз – все это производило на него неприятное впечатление, однако лишь с эстетической точки зрения. Пропавшая кожаная сумка беспокоила его куда больше.

– Где сумка? – спросил он.

– В том-то и дело, сэр, видите ли, ее отобрали...

Мистер Пэрриш встал.

– А книжка?

Мистер Табб сглотнул.

– Ее тоже. Они все отобрали, – сказал он. – Обчистили до нитки.

Челюсти мистера Пэрриша были крепко стиснуты, глаза яростно сверкали.

– Когда? – спросил он.

– Всего минуту назад. Я сразу пришел к вам, сэр...

– Где?

– В маленькой подворотне за углом. Они ударили меня, затащили туда, сэр... Я ничего не мог поделать...

Мистер Пэрриш издал рычащий звук и выбежал из комнаты. Мистер Табб со скорбным видом сел на стул и вытер нос рукавом рубашки. Через несколько минут комиссионер вернулся. Он немного запыхался, слетев по лестнице вниз, добежав до Клэр-Корт, порыскав там и вернувшись обратно.

Он потряс полицейским свистком перед лицом Табба.

– А это я тебе зачем дал?! – закричал он.

– Я пытался, мистер Пэрриш...

– Я нашел его в канаве, ты, разгильдяй несчастный!

– Они выбили его у меня из руки, сэр...

Гнев мистера Пэрриша вылился в град ударов, которыми он осыпал голову и плечи мистера Табба. Удары были не так точны, как затрещины Билла, но не менее болезненны; потом комиссионер со вздохом отпрянул в сторону и опустился на стул.

– Список, – сказал он. – Давай составим список. Придется нам с тобой, Табб, все делать сначала. И нужно знать, сколько мы потеряли. Думаю, мистеру Ли все это не очень понравится, правда?

Мистер Табб, шмыгнув носом, кивнул. Мистер Пэрриш достал серебряный карандаш и лист бумаги.

– Итак, сколько было в сумке?

– Триста пятьдесят фунтов, – пролепетал мистер Табб.

– Хм... Маловато по сравнению с прошлой неделей. Ты уверен? Сколько было с каждого дома?

Я понимаю, в книжке все было записано, но память-то у тебя есть? Знаешь, зачем тебе дана память? Чтобы не забывать то, что не успел записать. Вот для чего она тебе. Сколько ты взял на Гревилл-стрит, двенадцать?

– Шестьдесят четыре фунта, мистер Пэрриш.

– Хорошо. Я смотрю, ты уловил мою мысль. Дорсет-плейс, пятьдесят два?

Мистер Табб назвал очередную сумму, а потом сказал:

– Э-э... мистер Пэрриш.

– Да?

– А зачем мы это делаем?

– Чтобы ты мог пойти завтра на Гревилл-стрит, двенадцать, и взять там шестьдесят четыре фунта. А потом в Дорсет-плейс, на Тэкли-стрит и так далее. Иначе мистер Ли разозлится, и у нас будут неприятности, понимаешь? Тебе необязательно идти завтра. Можешь начать прямо сегодня. Итак, сколько ты взял на Энделл-стрит?

Сохо в то время был одним из самых густонаселенных районов Лондона; на улицах стояли шум, гам, смрад, причем пахло там отнюдь не благовоспитанностью. Это было оживленное, многонациональное и притягательное место.

Билл с кожаной сумкой на плече и записной книжкой в кармане ничем не выделялся из толпы. Размашистыми шагами он шел по узеньким людным улочкам, воздух которых был пропитан запахами супа, чеснока, сыра, печеного мяса и жареной рыбы. Если вы любили поесть – места лучше Сохо было не сыскать во всем Лондоне. За три шиллинга вы могли пообедать так, что потом с трудом передвигали ноги. Билл явно был голоден. Он остановился, поглазел на витрину еврейской булочной и потряс в кармане мелочью. Денег хватало. У него оставалось несколько пенни, он зашел внутрь и купил булку.

Он прикончил ее к тому моменту, когда дошел до Дин-стрит. На Новом королевском театре висела афиша мюзик-холла, но Билл прошел мимо. Также не обратил он внимания и на здание Общества человеколюбия и согласия, где, сообщалось в объявлении, миссис Литиция Миллс читала лекции о пользе умеренности во всем, сопровождая их показом диапозитивов.

Следующим после этого центра благонравственности и просветленности стоял обшарпанный дом, где сдавались меблированные комнаты. Его двери были открыты, и оттуда на улицу вырывались свет и шум. Билл зашел внутрь, пробрался сквозь толпу, которой не хватило места на собрании социалистов, и теперь люди вынуждены были толкаться в коридоре, и по лестнице поднялся на

третий этаж. Дом этот скорее напоминал клуб: одна комната была завалена книгами и газетами, несколько человек сидели там и читали; в другой комнатухе разыгрывались три партии в шахматы, и сгрудившиеся вокруг столов люди шепотом обсуждали перипетии поединков; в следующем помещении бородатый человек объяснял группе студентов преимущества анархизма, хотя, казалось, его мало кто слушал.

Билл постучался в дверь, из-под которой выбивалась тоненькая полоска света, и из комнаты донесся голос:

– Ja? Immer herein![4 - Да? Войдите! (нем.)]

Билл вошел. В комнате было накурено и душно, лампа стояла на стопке книг, бумаг и журналов, которыми был завален не только стол, но и пол вокруг истертого ковра. За столом сидел человек, к которому и пришел Билл, а напротив него – некто Малыш Мендел. Билл замер на месте с широко открытыми глазами и машинально сдернул с головы кепку, потому как Малыш Мендел был не кем иным, как известным главарем еврейских банд в Сохо. Власть в районе делили между собой евреи, ирландцы и итальянцы, и Мендел слыл настоящим королем. Ему шел четвертый десяток, он был высок, с озорными глазами и заметной лысиной, одет с иголочки. Поговаривали, будто он голыми руками убил двух человек и организовал ограбление банка на Веллингтон-стрит; об этом знали даже в полиции. Но он был слишком умен, чтобы попасться им в лапы. Как-то Мендел заявил, что в грядущем веке отойдет от дел, уедет в Брайтон и там, богатый и всеми уважаемый, попытается добиться места в парламенте. А поскольку он был Малышом Менделом и говорил это абсолютно серьезно, никто и не подумал усомниться в его намерениях.

И конечно, авторитет мистера Голдберга в глазах Билла не мог не возрасти, когда он увидел, что в гости к нему пожаловал такой великий человек.

Мистер Голдберг помахал в воздухе своей сигарой.

– Мой друг, Билл Гудвин, – представил он его. – Мы почти закончили, Билл.

– Здравствуй, – сказал Малыш Мендел, и Билл робко шагнул вперед, чтобы пожать ему руку. – Ты откуда будешь, Билл?

– Из Ламбета, мистер Мендел, – сиплым голосом ответил он.

– Дэн сказал, что ты неплохой малый. Может, как-нибудь встретимся, потолкуем? Что ж, старина, мне пора, – сказал он Голдбергу, вставая со стула. – Весьма интересные вещи ты мне рассказал. Думаю, в этом что-то есть. Всего доброго, Билл.

Парень с благоговением посмотрел ему вслед.

Голдберг рассмеялся, и Билл повернул голову. Человек за столом был моложе Малыша Мендела – вот и все, что Билл знал о нем. Голдберг был для него загадкой, в нем он чувствовал что-то дьявольское. Парень не удивился бы, увидев у него рога, копыта и длинный хвост; даже от его сигары несло серой. В один прекрасный день Голдберг появился в полицейском участке, где Билл находился за разбитое окно и украденные серебряные вещицы. Парень видел этого человека первый раз в жизни, но слова его звучали так убедительно, что вскоре он и сам стал припоминать, как в день ограбления помогал Голдбергу организовать пикник для еврейских сирот на пустоши Хэмпстед.

– Я принес ее, мистер Голдберг, – сказал он, положив кожаную сумку на стол. – И это тоже. – Рядом он бросил потрепанную записную книжку.

– Отлично, – ответил Голдберг. – Садись. Ты их считал?

– Конечно нет. – Казалось, Билла оскорбила сама мысль об этом. – Я их не трогал. Только отдал Лайаму его долю.

Голдберг расчистил место на столе, сдвинув рукой все, что на нем находилось, в сторону, и высыпал содержимое сумки. Там оказались золотые соверены, серебро и пачки банкнот. Он быстро пересчитал их.

– Триста тридцать. Двадцать – тебе, десять – на расходы мне, итого остается триста. А теперь слушай. Знаешь еврейский приют на Леман-стрит?

– Тот, что у доков?

– Именно. Отнесешь деньги туда и передашь управляющему. Скажешь, это от жертвователя, пожелавшего остаться неизвестным. Если он начнет задавать вопросы, просто спроси, будет он их брать или нет.

– Хорошо, мистер Голдберг. А зачем книжка? Я пытался разобрать, что там написано, но ничего не понял. Видимо, почерк скверный.

– Видимо, Билл. Теперь слушай: за дверью тебя ждет меламед[5 - Учитель в синагогальной школе.], мистер Кипнис. Возьми свой учебник, вон там, на стуле возле окна.

Билл взял маленькую книгу в матерчатом переплете, на которую указал Голдберг, поблагодарил его и вышел из комнаты. А Голдберг закурил сигару, положил ноги на стол и, устроившись поудобнее, начал изучать записную книжку.

Меламед, учитель идиша, был не столь образован, как раввин. Простой ремесленник, он вбивал основы языка в головы непослушных мальчишек. Однако Билла он обучал не идишу – парень учился читать по-английски, так как был неграмотен и, будучи евреем, стыдился этого.

Долгое время Билл не знал, что он еврей. Он вообще не знал, кто он и откуда. Вырос среди ирландских семей в Ламбете, в школу не ходил, слонялся по улице и научился лишь драться и обманывать. Когда ему исполнилось тринадцать, жизнь круто переменилась – его взял помогать по хозяйству Рейбен Леви, портной с Уолнат-Триуок. Билл влюбился в его дочь Ребекку, скорее даже не в нее, а в богатую, сытую и красивую жизнь семьи портного со всеми ее обычаями и традициями. Ему нравилось так жить, он хотел роскоши и всеми силами старался приобщиться к ней.

Всем было ясно, что Билл еврей. Он совсем не был похож на ирландца. Билл слышал, что для того, чтобы стать настоящим евреем, нужно совершить целый обряд, но сначала надо научиться читать и писать. Все евреи, которых он встречал, обладали одной общей чертой – они были весьма образованны. Старый Рейбен Леви чуть что – сразу бросал работу и начинал упоенно спорить, делаясь умными мыслями по поводу политики, религии, литературы, юриспруденции или чего-нибудь еще; и остальные евреи тоже спорили – простые работяги говорили, как царь Соломон. Малыш Мендел, должно быть, долго учился, думал Билл, уж

по крайней мере, грамоту знал. Поэтому и стал тем, кем стал.

Билл скрывал свое желание учиться до того, как познакомился с Голдбергом. Тот нашел старого бедного меламеда, мистера Кипниса, чьи нервы уже изрядно потрепали маленькие дети, и познакомил с ним Билла; и теперь парень занимался как одержимый, уча азбуку и царапая буквы на грифельной доске, пока мистер Кипнис тайком отпивал из своей фляжки.

А в соседней комнате Дэн Голдберг бросил записную книжку в ящик, налил себе стакан бренди и достал свои записи, касающиеся очень необычного дела мистера Пэрриша: судебного процесса, в который была вовлечена женщина по фамилии Локхарт.

Глава пятая

Учебная стрельба

На следующее утро у Салли была назначена встреча с тремя клиентами, кроме того, ей надо было написать несколько писем, поэтому к своему поверенному она выбралась лишь днем.

Похоже, он был удивлен, увидев ее.

– У меня нет новостей, – сказал он. – Слушание дела назначено, как вы знаете, на четырнадцатое число следующего месяца – довольно скоро, но, может, это и к лучшему?

– Как к лучшему, мистер Эдкок? У нас совсем не остается времени!

– Времени на что? – Он развел руками.

Она с трудом сдерживала негодование.

– Вы хотите сказать, что не намерены ничего делать? Господи боже мой, да что же...

– Наша позиция – Пэрриш ошибается, и никакого брака не было, – перебил Салли мистер Эдкок. – Это главное. Я уже обдумал ответы на все возможные вопросы в зале суда, если хотите, можем еще раз по ним пройти, но, должен заметить, в три часа у меня еще один клиент...

– Мистер Эдкок, я видела метрическую книгу в Портсмуте. Ее подделали.

– Что?

Он внимательно выслушал все, что она ему рассказала. Нахмурился, поджал губы и в задумчивости постучал кончиками пальцев по столу.

– Сама книга была в порядке? Не показалось ли вам, что там вставлена лишняя страница, одна страница заменена другой или что-нибудь в этом роде?

– Как раз это я и пыталась выяснить. Нет, ничего такого я не заметила. Книга как книга. Там написано, что третьего января тысяча восемьсот семьдесят девятого года я вышла замуж, но я не выходила замуж, клянусь вам. Нужно найти мистера Бича, приходского священника, который сделал запись о моем бракосочетании. Если мы найдем его и он подтвердит, что ничего такого не было, все – дело закрыто. Мы победили.

Мистер Эдкок снисходительно улыбнулся.

– Жаль вас расстраивать, – сказал он, – но все не так просто. Ищите преподобного мистера Бича, если считаете нужным. Я могу нанять частного сыщика, конечно, это потребует дополнительных расходов. Но пастор Бич может подтвердить отнюдь не ваши показания. А ведь мы обсудили лишь один пункт прошения. Там ведь еще упоминаются измена, злоупотребление спиртным, плохое обращение со слугами, растрата денег, невозможность воспитывать ребенка, жизнь с людьми спорных моральных качеств...

Эдкок снова развел руками. Пока он читал обвинения в ее адрес, Салли чувствовала будто уколы в сердце: она уже пару дней не видела этот документ

и подзабыла, как он на нее действует. Кто-то, верно, очень ее ненавидит, раз так с ней поступает. Когда подобные чувства испытывает к тебе человек, которого ты знаешь, это неприятно, но сознавать, что тебя ненавидит кто-то совершенно незнакомый, – неприятно вдвойне. Вновь это отвратительное чувство нахлынуло на Салли, оно лишало ее сил сопротивляться. Она даже не могла спорить с адвокатом. Вместо этого просто молча кивала, глядя в пол.

– Понимаю, – наконец сказала она. – Я хочу, чтобы вы наняли сыщика и отыскали мистера Бича. Единственное, что мне удалось разузнать, – это что он будто бы похитил из церкви серебро и сейчас, возможно, находится в тюрьме. Но это всего лишь слухи.

Эдкок выглядел встревоженным.

– Моя дорогая мисс Локхарт, я прошу вас, я вас умоляю не повторять того, что вы сейчас сказали. Понимаете ли, клевета – уголовно наказуемое деяние, и не хватало еще, чтобы вас в ней обвинили.

– Хорошо, но вы расскажете об этом сыщику?

– Я дам ему всю необходимую информацию. Также можно разузнать кое-что и про самого мистера Пэрриша, если пожелаете. Его дела, происхождение, а? Это может нам пригодиться.

Салли, воодушевленная тем, что услышала наконец от Эдкока что-то дельное, согласилась. Потом добавила:

– Мистер Эдкок, а что, если все пойдет совсем не так, как мы хотим? Что будет в худшем случае?

– О, не стоит об этом думать. Давайте не загадывать на будущее.

– Но я хочу знать. Могут ли они забрать Харриет, мою дочь, могут ли они забрать ее у меня?

– Если проситель выиграет дело, вы должны будете передать опеку над дочерью ее отцу... мистеру Пэрришу. Но не будем...

– А если я откажусь?

– Это невыполнение постановления суда. Вас могут арестовать и посадить в тюрьму.

– Они что, силой заберут у меня Харриет?

– Мисс Локхарт, к чему сейчас все эти разговоры?

– Заберут? Силой?

– Ну, если по-другому не получится, да, так оно и случится. Но не надо думать о крайностях. Закон служит человеку, а не наоборот. Существует такая вещь, как компромисс... Все, что угодно, можно решить, обсудив...

– Как я могу договариваться с человеком, которого не знаю и который хочет забрать у меня ребенка? О каком компромиссе вы говорите? Какой тут может быть компромисс? Я не понимаю, мистер Эдкок. – Она подняла руку, дав понять, что не желает ничего слушать, и встала. – Ладно, простите, вы всего лишь отвечали на мой вопрос. Я, пожалуй, пойду. Наймите сыщика, это отличная мысль. Когда мне зайти в следующий раз?

– У нас есть две недели. Надо встретиться до слушаний... Давайте через неделю?

Салли казалось, что они должны видаться каждый день, что адвокат должен заниматься только ее делом и ничем более, но она лишь кивнула.

– А мой защитник в суде, мистер Коулмен? Когда я познакомлюсь с ним?

– Видите ли, он очень занятой человек. Не думаю, что он захочет тратить время на пустые формальности.

Салли, пораженная, снова опустилась на стул.

– Вы хотите сказать, он придет в суд, даже ни разу не выслушав меня?

– Я ваш поверенный, мисс Локхарт. Я выслушиваю вас, а потом инструктирую его. У него будут все необходимые документы, поверьте мне. Я могу договориться о встрече, если вы настаиваете, но уверяю вас, мистер Коулмен – королевский адвокат, он очень компетентен и опытен. Лучше вам и не найти.

– Я очень рада. Но все равно очень хотела бы с ним встретиться. Вы можете это устроить?

– Я постараюсь. Хотя, как я уже сказал, у него очень мало свободного времени.

Салли покидала адвокатскую контору с тяжелым сердцем. Она решила попрощаться с мистером Байуотером, старым клерком, однако он и сам ее ждал.

– У меня для вас кое-что есть. – Байуотер достал листок из кармана жилетки. – Я тут поговорил со своим знакомым, он работал клерком у адвокатов мистера Пэрриша. Попросил его разведать, что да как. Конечно, он уже давно не знает, какие дела ведет эта адвокатская фирма, но фамилию Пэрриш он вспомнил. Вроде три-четыре года назад состоялись судебные слушания, обвинялся человек с Блэкмур-стрит...

– У него там контора!

– Погодите, – прервал он строго, – сейчас я до этого дойду. Их подзащитный, Белкович, обвинялся в противозаконных действиях, что-то там было связано с его бизнесом. Если хотите, посмотрите бумаги, там все написано. Так вот, суд он проиграл, подал апелляцию и опять проиграл. Это то, что на поверхности. В действительности же он не совершал ничего противоправного, но это выяснилось много позже, во время слушаний по совершенно другому делу. Но было уже поздно. Белкович утопился. Истца – того, кто начал против него дело, – зовут Ли. Позже, когда бизнес Белковича распродался, он купил его и назначил Пэрриша управляющим. Сменил название. Все законно, не подкопаешься. Так вот, оказывается, Пэрриш – вовсе не босс. Главный там Ли. Я про него ничего не знаю. Мой знакомый говорит, что в деле фигурировал какой-то адрес в Спайталфилдс. Вроде французское название, но вспомнить точно он не смог. Какая-то площадь, начинается на «Ф». Вот, держите.

Он протянул Салли листок бумаги с адресом, выведенным аккуратным почерком.

– Без номера, – добавил Байуотер.

– Это адрес мистера Ли? Или ваш друг не уверен?

– Он не может вспомнить. Все, что он знает, – это как-то связано с делом «Ли против Белковича».

– Белкович... Он был евреем, этот человек?

– Не знаю. Видимо, да, но я не уверен. Это имеет значение?

– Нет, наверное, нет. Просто интересно. Большое спасибо, мистер Байуотер. И поблагодарите от меня вашего знакомого. Вы расскажете об этом мистеру Эдкоку?

– Как скажете, мисс. Думаю, вреда от этого не будет.

Однако по его тону было понятно, что и никакой пользы не будет тоже. Салли поблагодарила старого клерка, попрощалась и вышла.

Всего пара слов на листке бумаги, имевших весьма отдаленное отношение к ее делу, вряд ли стоит туда ехать. День клонился к вечеру, и Салли не хотела возвращаться домой затемно. Идя по Мидл-Темпл-лейн в сторону Флит-стрит, она поймала себя на том, что беспрестанно зеваает, на нее навалилась дикая усталость. Ей хотелось лишь спать, но спать было нельзя, потому что вокруг нее кто-то расставлял ловушки, раскидывал сети, готовил яд. Она должна быть собранной и энергичной, она обязана избавиться от этих вздорных обвинений, как смахивают с плеча паутину. Хотя все это было не важно. Этот Пэрриш, должно быть, просто сумасшедший.

Она выпрямилась, повыше подняла голову, пошире открыла глаза, пытаясь сбросить с себя сковывавшие ее путы сна. Раньше она и не представляла, как, оказывается, устаешь, когда нервничаешь.

Она свернула на Флит-стрит, остановилась возле газетного киоска и купила последние выпуски «Иллюстриейтед Лондон ньюз» и «Джуиш кроникл». Ей захотелось теперь почитать о событиях в России. Производителя оружия Акселя

Беллмана, который был повинен в смерти Фредерика, финансировали русские, с тех пор Салли начала интересоваться этой страной.

Фредерик...

Порой, когда она совсем не ожидала, у нее появлялось навязчивое ощущение, что он рядом, что стоит ей лишь повернуть голову, и она увидит его. Салли была абсолютно в этом уверена. Ей не мерещилось – он действительно был рядом.

Сейчас у газетного киоска у нее опять появилось это чувство, такое острое, что она ахнула, лицо ее осветилось счастьем, а губы уже начали произносить: «Фред...»

Но за спиной никого не было. Туманный серый день, разглядывающий ее прохожий в черном пальто, толпы людей на Флит-стрит. Фредерика не было.

Но ощущение его присутствия исчезло не сразу. Это чувство счастья до сих пор освещало все вокруг Салли, как вспышка магния в фотокамере Уэбстера надолго оставляла след на сетчатке глаза.

Она сунула газеты под мышку и направилась к станции, чтобы ехать домой.

В тот вечер Сара-Джейн уехала в Твикенхем навестить свою замужнюю сестру. Салли осталась одна и стала по непонятной даже ей причине прибираться в комнате для завтраков.

Эта комната была центром дома, где все сидели по вечерам, работали, читали и разговаривали, где трапезничали, за исключением тех редких случаев, когда приходили гости и все перебирались в столовую. Комната была самой большой в доме, из нее через балконные двери можно было выйти на веранду, откуда открывался вид на сад. Комната для завтраков была и студией, и гостиной, и библиотекой. Не была она разве что лабораторией. Уэбстер Гарланд увлекался химическими опытами, и старая кухня на Бёртон-стрит в Блумсбери, служившая им гостиной, пока они там жили, частенько наполнялась дымом и неприятными запахами; но во Фруктовом доме Салли пресекла всяческие попытки проводить опыты в комнате для завтраков.

Сначала она зажгла газовые лампы и навела порядок на большом столе, убрала с него атлас, по которому следила за передвижением по Южной Америке Уэбстера и Джима, и отнесла все свои бумаги в небольшое бюро из ореха. На столе также стояла ваза с цветами, которые принесла ей Маргарет; Салли поставила ее на каминную полку, рядом с деревянными часами, что она привезла годом раньше из Швейцарии. Потом убрала книги – две небольшие стопки. Вообще книги были разбросаны по всей комнате, но эти две стопки лежали так, как их оставили Уэбстер с Джимом: в одной из них находились учебник по физике, чьи-то путевые заметки о путешествии по Боливии на немецком языке, с заложенным в книгу пером, и немецкий словарь, из которого торчал клочок лакмусовой бумаги. Салли положила книги на маленькую вращающуюся полку возле кресла Уэбстера. В стопке Джима были в основном романы ужасов, мрачные триллеры с названиями вроде: «Ущелье скелетов» и «Призрак Нэд». Салли улыбнулась, вспомнив, как гордился Джим, когда издали его первую книгу. В стопке также лежали «Большие надежды» и «Квитанция после смерти». Она поставила их на полку, что тянулась вдоль всей стены, а затем сняла картину, стоявшую на мольберте у двери.

Уэбстер приобрел ее незадолго до своего отъезда и не успел купить к ней раму. Это был небольшой, написанный маслом этюд импрессиониста Камиля Писарро: весеннее утро, солнце освещает загородную дорогу. Этот свет был таким свежим и бодрящим, что казалось, ты чувствуешь дуновение ветра, несущего эти свинцовые белила по голубому небу. Уэбстер начал покупать импрессионистов еще на их первых выставках, лет пять-шесть назад, в их экспериментах со светом он видел собственные искания, попытки остановить время с помощью фотографии.

Что ж, Писарро придется подождать без рамы до возвращения Уэбстера. Салли сначала сказала, что сама займется картиной, но сейчас ей было явно не до нее. Она отнесла полотно к нему в кабинет, потом сложила мольберт и убрала его.

Стереоскоп с подставкой из красного дерева на буфете и коробка с фотографиями...

Так начиналась фирма «Гарланд и Локхарт». Она убедила Фредерика сделать серию комических снимков, которые можно было смотреть через стереоскоп, такие маленькие волшебные картинки, дававшие магическое ощущение трехмерного изображения. Стереографии так хорошо продавались, что они начали снимать все больше и открыли свое дело. Вот они все: сцены из

Шекспира, замки Великобритании, закоулки старого Лондона... И самые первые: Джим в роли Давида с огромной головой Голиафа из папье-маше в руках; сама Салли, переодетая кухаркой, которая обнаруживает, что в буфете полно черных тараканов, каждый размером с гуся; девочка Аделаида, которую они вытащили из мрачной ночлежки в Уоппинге, сидит на коленке у помощника Фредерика, Тремблера Моллоя – иллюстрация к сентиментальной песенке... Аделаида исчезла. Наверное, сейчас она где-то в Лондоне, они так и не видели девочку с тех пор. Город проглотил ее в одно мгновение.

Эти снимки словно вернули Салли в прошлое, и она заметила, что с трудом сдерживает слезы. Она сложила фотографии обратно в коробку, закрыла крышкой и спрятала вместе со стереоскопом в шкаф.

Игрушки Харриет... Можно было искать по всей комнате, и обязательно какая-нибудь находилась под креслом или за подушкой. Салли нашла один из кубиков дочери под диваном. Позже она отнесет его наверх.

Салли взяла в руки портрет Фредерика. Он стоял на пианино в серебряной рамке: это была фотография в полный рост, на которой Фредерик был изображен не одетым с иголки, как это обычно бывает на официальных портретах, а в повседневной одежде, каким его и запомнила Салли. У него были взъерошенные волосы и улыбающиеся глаза. Это единственный снимок Фредерика, который был у Салли. Его сделал Чарльз Бертрам – помощник Уэбстера, он сейчас также находился в Южной Америке. Чарльз был хорошим человеком – добрым и мягким, год назад он сделал Салли предложение, и она очень переживала, что своим отказом может причинить ему боль.

Ей в голову пришла мысль. А если бы она вышла замуж за Чарльза, как поступил бы Пэрриш? Ведь он задумал все это уже давно. Оспорил бы он этот брак сразу же или подождал, чтобы потом обвинить ее в двоемужии?

Все это казалось бы отвратительным, но Чарльз бы ей поверил. И мистер Темпл был еще жив. Пусть Пэрриш и заявил бы, что Харриет – его дочь, тогда Салли было бы гораздо проще бороться с ним.

Но она отвергла предложение Чарльза, и не стоит об этом жалеть. Будь что будет.

Салли взяла фотографию, кубик Харриет, еще кое-какие вещи и отнесла в свою спальню. Затем достала из шкафа кожаный саквояж, спустилась вниз и заглянула на кухню, где с кошкой на коленях читала газету кухарка миссис Перкинс.

– Здравствуйте, мисс, – сказала она. – Элли говорила, вы спрашивали о точильщике?

– Да. Думаю, он не тот, за кого себя выдает. Вряд ли он придет еще раз, но если все же появится, я хотела бы его застать – так, чтобы он не знал, что встретит меня. Миссис Перкинс, я зашла сказать, что пойду немного постреляю, так что не пугайтесь.

– Хорошо, мисс. Спасибо, что предупредили.

В уже прибранной комнате Салли поставила у дальней стены большой тяжелый щит, накрытый зеленым полотном.

Она сняла ткань. Щит был сделан из мягкой древесины и весь испещрен отверстиями от пуль. Салли приколотла к нему бумажную мишень, направила на него лампу, а потом открыла саквояж, который принесла из спальни.

В нем лежал ее учебный пистолет: однозарядная французская модель, сделанная Флобером. Пистолет был отлично пристрелян, Салли часто с ним упражнялась, когда они соревновались в стрельбе с Джимом и Чарльзом. Она всегда побеждала их, но вот с Уэбстером сравниться не могла, хотя до того, как она научила его стрелять, он и оружия-то в руках не держал. У него оказалась твердая рука и острый глаз. В то время стрельба была очень популярна, легкие пистолеты назывались салонными, поскольку именно там обычно происходили соревнования в меткости. Хороший пистолет, как ее «Флобер», бил точно на расстояние до десяти метров, что от него и требовалось, к тому же практически не издавал шума.

Салли отодвинула в сторону кресло, зарядила пистолет и выстрелила. Плохо, пуля ушла левее. Но ничего страшного – стрелять она умела, к тому же в ее распоряжении было много времени на тренировку.

Она практиковалась около получаса, расстреляв коробку из пятидесяти патронов и делая перерывы, чтобы почистить оружие и повесить новую мишень. Когда она закончила, ее настроение заметно улучшилось. Последние пули легли кучно вокруг центра мишени – Салли наконец поймала свой ритм, с помощью которого достигала полной сосредоточенности.

Перед тем как снять мишень и убрать щит на место, она решила испытать свое новое приобретение – «Британский бульдог».

Смотрелся он неуклюже, вовсе не так элегантно, как удлиненный «Флобер». Она зарядила патрон, крепко сжала рукоятку, готовясь к отдаче, и прицелилась пониже, как советовал продавец в оружейной лавке.

Когда раздался выстрел, от грохота в комнате даже задрожали оконные стекла. Руку подбросило так, будто ее лягнула лошадь, – слава богу, Салли привыкла к отдаче. А щит, который до этого принял в себя пятьдесят пуль и даже не сдвинулся с места, сейчас отлетел к стене, и глубокая трещина расколола его сверху донизу.

Пытаясь разглядеть хоть что-нибудь сквозь дым, наполнивший комнату, Салли положила револьвер и, трясая рукой, направилась к щиту. Пуля пробила его насквозь и застряла в стене. «Почти в центр», – подумала она, поставила щит и убрала револьвер. Салли поняла, что новое оружие способно нанести ощутимый вред; правда, если держать его одной рукой, то вред можно нанести себе. Действуя необдуманно, можно сломать кисть.

Салли вновь навела порядок, открыла окно, чтобы свежий осенний воздух проветрил комнату от гари, и накрыла щит полотном. Затем взяла из коробки одну из сигарет Джима и села покурить, что иногда себе позволяла. «Один дым сейчас рассеется, зато появится другой», – усмехнулась она.

Салли быстро пробежала взглядом купленные газеты. В «Иллюстрированном Лондонском Ньюсе» о России ничего не было, но в «Джуиш кроникл», к своему удивлению, она обнаружила статью Дэниела Голдберга. А удивлена она была, потому что считала издателей «Джуиш кроникл» не особенными приверженцами социализма, а Голдберг представлялся ей неким агитатором или демагогом. Но эта статья была вполне здоровой и разумной. Журналист предлагал рассматривать проблему еврейских иммигрантов как серьезный социальный

вопрос, включая отношение мужчин и женщин друг к другу, а также их отношение к средствам производства и торговле.

Статья была хорошо написана. Голдберг излагал свои мысли просто, но в то же время убедительно, и Салли заметила, что невольно проникается его доводами.

Последний абзац гласил:

Однако существует бремя, которое евреи вынуждены нести на своих плечах лишь потому, что они евреи, и от которого освобождены другие рабочие. Я говорю о заботах мистера Арнольда Фокса. Этот господин в пылу своего антисемитского рвения собирает то, что с любовью называет информацией о притоке большого количества евреев из России. Он, бесспорно, будет использовать любые факты, которыми изобилует его воображение, дабы дискредитировать всех евреев в глазах англичан, и мы, конечно же, должны постараться не снабжать его боеприпасами, которые он впоследствии обратит против нас. Предвижу, как владельцы еврейских потогонных предприятий, которые читают «Кроникл», немедленно утратят жалование своим работникам и наполовину уменьшат количество рабочих часов с целью досадить мистеру Фоксу. Вот она – сила прессы.

Салли улыбнулась и отложила газету. Она мало знала о потогонной системе труда – практике найма бедняков на вредное производство за нищенское жалование; было ли это портняжное дело? Мебельное дело? Сапожное дело? Это отвратительный бизнес, но ясно, что происходил он не только из-за злого умысла и алчности владельцев этих предприятий, как предполагал Голдберг.

Салли взглянула на часы – они показывали пол-одиннадцатого. Она не устала, но решила отправиться в постель. Почитать какую-нибудь ерунду.

Она встала и открыла форточку – запах пороха все еще висел в воздухе.

Когда она раздвигала шторы, то услышала звон разбиваемого стекла.

Он донесся слева, где под стеклянной крышей у стены стояла камера на рельсах, оставленная Уэбстером.

Салли ничего не увидела в окне, лишь отражение света комнаты, поэтому она вплотную приблизилась к стеклу и задернула за спиной занавески. Она снова услышала звон, и когда ее глаза привыкли к тусклому свету, пробивавшемуся из-за облаков, Салли разглядела фигуру – мальчика или подростка, – прижавшуюся к стене над навесом. Тень подняла руку, будто собираясь бросить камень.

Рука распрямилась, и Салли услышала, как дождь осколков пролился на деревянный пол, а затем уловила высокий, почти детский смех. Парень поднял лицо к небу и боком прокрался вдоль стены к следующему оконному проему.

Салли схватила лампу, распахнула балконную дверь и закричала:

– Прекратите! Немедленно прекратите!

Раздался громкий смех, и парень швырнул еще один камень. Затем взял палку и, словно одержимый, стал бить по стеклу, которое разлеталось мелкими осколками во все стороны.

Салли выбежала на веранду и по ступенькам спустилась на сырую лужайку, держа лампу высоко над головой.

– Прекратите! – кричала она. – Немедленно прекратите!

Подросток выпрямился, все еще хохоча, и побежал вдоль стены. Салли охватило неприятное чувство: в его смехе было что-то отвратительное. Парень походил либо на безумца, либо на демона или злого духа. «Нет, – подумала она. – Что за глупости». Но от этой скачущей безликой фигуры исходило нечто злое, нехорошее, и Салли невольно охватил страх.

Пистолет.

Она может добежать до него, зарядить и...

Салли уже решила бежать в дом, как вдруг оттуда донесся крик.

Кричала Сара-Джейн...

Салли повернулась, и в это время снова раздался крик – на сей раз это был голос Элли. Затем где-то в доме хлопнула дверь.

Салли забыла о парне с камнями и мигом распахнула дверь в холл.

Элли, всхлипывая, спускалась по лестнице. Ковер на полу был скомкан, и на нем валялись осколки то ли чашки, то ли тарелки.

– Элли, в чем дело?

Салли опустилась рядом, поставив лампу, которую все еще держала в руке, на стойку.

– Там, наверху, мисс... – заикаясь, пробормотала Элли, глядя наверх.

Убедившись, что с горничной все в порядке и вспомнив крик Сары-Джейн, Салли бросилась вверх по лестнице. В коридоре было темно, но благодаря тусклому свету снизу она увидела, что все двери закрыты.

– Сара-Джейн! – позвала она дрожащим голосом. – Сара-Джейн!

Лишь тишина и холодок ужаса, бегущий по спине.

Затем в конце коридора тихо отворилась дверь в комнату Харриет, и оттуда вышла Сара-Джейн.

Они бросились друг к другу.

– В чем дело? Что с ней? Что случилось?

– Да... да... с ней все в порядке... она спит. Ничего страшного. Боже, я так испугалась...

Сара-Джейн была в плаще и чепчике. Руки у нее были холодные.

– Что случилось? – переспросила Салли.

Они говорили напряженным шепотом.

– Я как раз входила в ворота и взглянула на окно Харриет, не знаю почему, и... о, это было так ужасно, я увидела там лицо, мужское лицо, тогда я и закричала... Я бросилась к ней, а Элли выходила из кухни, я побежала наверх... и он стоял там... потом пронесся мимо меня, и вроде я снова закричала. А затем раздался звон снизу – он столкнулся с Элли. А я побежала к Харриет...

– Он был у нее в комнате? – ужаснулась Салли.

Элли, трясась от страха, поднималась по лестнице с лампой в руке.

– С ней все в порядке, мисс? – спросила она с лестницы. – Он налетел на меня, и я упала. Он выбежал за дверь и...

Салли зашла к Харриет. Элли стояла с лампой в дверном проеме, а Салли склонилась над кроваткой дочери. Девочка спала так тихо и спокойно, будто ничего и не случилось. Можно было расслышать ее мерное дыхание; вокруг стояла тишина. Звон бьющихся стекол прекратился.

Сара-Джейн выглянула в окно.

– Он убежал, – прошептала она.

Салли присела возле кровати, погладила Харриет по лицу, прикрыла ручку, высунувшуюся из-под одеяла.

– Похоже, все в порядке. Элли, закрой, пожалуйста, все двери и балконы и проверь окна. Он тебя ударил, когда сбил с ног?

– Нет, мисс, просто я перепугалась. Пойду проверю двери, мисс. А потом посмотрю, как там кухарка. Наверное, она вообще ничего не слышала...

Элли спустилась вниз, оставив лампу Саре-Джейн.

– Обратиться в полицию?

– Да, только утром. Я не пойду сейчас туда, в темноте, и вы тоже. Мы запремся, больше сюда никто не проникнет.

Салли взяла лампу у Сары-Джейн и решила, что нужно зарядить пистолет. Подумаешь, отдача... Няня посмотрела на пол, затем приподняла покрывало и заглянула под кровать.

– Что ты ищешь? – спросила Салли.

– Медвежонка нигде нет. Вы ведь знаете, как Харриет не любит, если его нет рядом...

– Наверное, он у нее под одеялом, – сказала Салли, подождав, пока Сара-Джейн встанет с пола. – Завтра найдем.

Глава шестая

Мидл-Темпл-лейн

Однако назавтра медвежонка не нашли. Харриет хватилась его, проснувшись в семь утра, и перерыла всю комнату, заглянув под кровать, подняв уголки ковра, вынув все свои кубики из коробки и разбудив маму. Салли без особого желания присоединилась к поискам, но даже к завтраку медвежонка все еще не отыскали, и Салли сказала Харриет, что, возможно, тот впал в зимнюю спячку. Девочке понравилось это слово, но она обиделась на своего друга за то, что он ушел не попрощавшись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Примечания

1

В мистическом течении иудаизма, хасидизме, – святой, посредник между Богом и человеком. – Здесь и далее прим. перев.

2

Небольшие еврейские поселения.

3

В древнееврейских легендах – дух, который вселяется в тело живого человека с целью похитить его душу.

4

Да? Войдите! (нем.)

5

Учитель в синагогальной школе.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/filip-pulman/tainstvennyye-rassledovaniya-salli-lokheart-tigr-v-kolodce-olovyannaya-princessa>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)